

Введение

Я написал эти воспоминания.

Зачем?

На этот простой вопрос нет простого ответа. Многие подумают: кому могут быть интересны события, даже не совсем банальные, жизни одного человека во время самой кровопролитной в истории человечества войны, в которой было убито 50 миллионов человек, а многие миллионы были пре-вращены в инвалидов. Сколько же было искалечено человеческих судеб, сколь-ко было разрушено семей, сколько простых человеческих чувств, радостей и удовольствий было уничтожено и превращено в пыль страданий, об этом никакая статистика не знает. Что такое один человек?

Это — с одной стороны.

А с другой — в 1991 году развалился Советский Союз и рухнул коммунизм. А рухнул ли?

Если действительно коммунистическая власть и коммунистическая иде-ология признаны безмерно жестокими и античеловеческими, подвергнуты всяческому осуждению и не подлежат реставрации в каком бы то ни было виде, то почему многие борцы против коммунизма до сих пор скрывают свое антикоммунистическое прошлое?

Я не говорю о диссидентах брежневских времен. Они боролись против мирового коммунизма своими методами и сыграли свою роль в ослаблении советской власти и в конечном счете в ее ликвидации. И тот почет, которым они сейчас окружены, ими заслужен.

А как же быть с теми антикоммунистами, которые шестьдесят лет назад выступили против советской власти с оружием в руках и которых теперь после дикой расправы сталинского режима над ними, остались считанные единицы? Они до сих пор считаются негодьями и предателями и не подлежат никаким реабилитациям, так как они участвовали в войне как союзники (не наймиты, подчеркиваю, не слуги) Германии, которая напала на Советский Союз и несла немало бед советскому (в том числе, русскому) народу?

А какого другого союзника могли найти в той войне антикоммунистически настроенные люди из граждан СССР? Таких же людей историки насчитывают миллион, то есть, цифру, достаточную для того, чтобы считать вторую мировую войну для СССР войной гражданской.

Война закончилась, победители наказали побежденных или, правильнее сказать, уничтожили их. А на оставшихся в живых до сих пор висят позорные ярлыки.

Я — антикоммунист и живу до сих пор в подполье. Нет, я не ношу парика, не приклеиваю усов и не сижу ночами, переделывая документы. У меня свои, абсолютно белые и в небольшом количестве, волосы, у меня настоящий советский паспорт с подлинной фотографией, и я не боюсь проверки документов на улицах.

Но я скрываю свое прошлое. От ВСЕХ!

Я прожил с женой 47 лет с полным взаимным уважением и доверием. Она знала, что я отсидел в ГУЛАГе много лет в самое страшное для советских заключенных время — сороковые годы, но так и не узнала, за какие мои действия, за какие мысли.

А теперь мои дети и мои внуки не знают и этого, хотя я до сих пор удивляюсь, каким же это чудом меня не похоронили где-нибудь в вечной мерзлоте. Я не рассказываю своим внукам о своей извилистой жизненной дороге не потому что стыжусь, а потому, что не знаю, как это будет воспринято ими на фоне существующих доселе позорных ярлыков и отсутствия подлинной информации о событиях второй мировой войны, в которых

участвовали сотни тысяч советских людей разных национальностей.

Но должны же люди знать, что «были люди в наше время, не то, что нынешнее племя». Вот я и описал, как смог, свою жизнь в те грозные годы. Много, конечно, уже исчезло из памяти, но главное, чего я старался придер-живаться, это — избегать вранья, ибо в большинстве книг о прошедшей войне, изданных в СССР, ложь — главная часть содержания.

Так пусть эта книга будет хотя бы маленьким лавровым листочком в терновом венце мучеников — борцов против коммунизма.

Приношу искреннюю благодарность Ивану Григорьевичу Федоренко и Николаю Семеновичу Тимофееву за помощь в поисках необходимой информации и, что гораздо более важно, за моральную поддержку при написании этой книги.

«Минометная рота, подъем! По-о-дъем!»

И сразу — всеобщее шевеленье, покашливание, вздохи, чихание — наша минометная рота просыпается. Тут начинается нечто невообразимое — ведь известно, что солдат после команды «Подъем» начинает одеваться, мы же, наоборот, начинаем раздеваться. Потому что спим мы одетые, в шинелях, и обутые, то есть только те, которые действительно обутые. Нас обмундировали всего неделю назад, а ботинки всем выдали английские, все малого разме-ра, по этой причине половина нашей роты ходит на занятия босиком, а ботинки — в вещмешке. Мне удалось в этом деле немножко схитрить, как и моему лучшему другу и однокласснику Витьке Каретникову. Когда нас мыли в бане перед выдачей обмундирования, всю вольную одежду и обувь отбирали, и

куда она девалась, мы не знаем. Мы же с Витькой ухитрились припрятать свои домашние сапоги; английские ботинки были нам малы, и мы щеголяли в сапогах (а они были армейского образца), удивляя тем самым весь батальон, так как в сапогах ходило только начальство и на весь батальон было всего человек пять командиров (это не считая нас с Витькой), которые были в сапогах. Даже половина лейтенантов носила обмотки и ботинки.

Нам же, случилось, даже козыряли.

Обмундирование в бане старшина выдавал нам, ничего не подбирая, не говоря уж о примерке. Дескать, там сами разберетесь и обменяетесь, если кому понадобится. С брюками мне повезло, а гимнастерка мне попала до колен, а шинель — волочилась по земле, ибо росту я невеликого. Дня три я проходил в таком клоунском одеянии, а потом мне обменщик попался в одной из стрелковых рот. И я стал нормальный лихой курсант.

Наша минометная рота после всего этого выглядела аристократами. Все обмундирование: гимнастерки, брюки и обмотки нам выдали хаки, а на стрелковые роты невозможно было поначалу смотреть без смеха: стоят в строю, у одного курсанта гимнастерка синяя, брюки белые, обмотки красные, а у другого рядом — все наоборот, и вся рота, не рота, а цветочная клумба. Только пилотки у всех одинаковые. Потом попривыкли.

Наш батальон, учебный батальон 319 стрелковой дивизии, размещается на небольшом треугольном участке, с двух сторон ограниченном небольшими, но бурными горными речками, а с третьей — метров через двести, дома аула Маджалис. Аул небольшой, километрах в двадцати от Каспийского моря. С местным населением — дагестанцами мы никак не общаемся, нам это строжайше запрещается, за малейший контакт грозят штрафным батальоном. Объясняют это враждебным отношением местного населения к Красной Армии, возможностью отравлений и даже похищений и убийств. Хотя, вообще, ни одного такого случая у нас в батальоне не было. Нам также было сказано, что в горах около 30 тысяч вооруженных дагестанцев ожидают прихода немецких войск, что в сентябре 1942 года, когда шли бои под Моздоком, было вполне возможно. И мы, выходя на тактические занятия в горы, всегда берем полный запас мин и ручных фанат, ну а винтовочные патроны у нас постоянно в карманах — патронных подсумков нам не выдали. Нападений на нас никаких не было, но стрельба в горах иногда слышалась. И случилось, что наши посты задерживали женщин, которые пытались носить в горы продукты, а бывало, и патроны.

В нашем батальоне четыре роты: наша минометная, пулеметная с «максимами» и две стрелковых. В минометной роте два взвода: первый — из трех расчетов 82 мм минометов и наш второй — из четырех расчетов 50 мм минометов. Командир роты, младший лейтенант Хабибулин, летчик, который до сих пор носит пилотку с голубым кантом, но после того, как был сбит и ранен, от полетов его отстранили и перевели в пехоту. В минометном деле разбирается хорошо. Командир первого взвода, лейтенант, только что выпущенный из артиллерийского училища с сокращенным сроком обучения, в минометах ничего не смыслит и учится по сути дела вместе с нами. Но взвод свой держит в страхе божьем, строго по уставу: «Смирно!», «Прекратить разговоры!» и «Объявляю перерыв. Стоять вольно, можно курить, из строя не выходить». Если учесть, что мы занимаемся по 12 часов в сутки, то такое обращение — чистое издевательство.

Наш взводный младший лейтенант Сагателов, молодой армянин, человек совсем другого склада. Он зря не дергает и не изводит нас, и, самое главное, если учеба, например, сегодня прошла успешно (а это почти каждый день) он позволяет нам погостить в окружающем лесу. Дело в том, что мы все постоянно и непрерывно голодные, а в окружающих дагестанских лесах в это время полным-полно фецких орехов. По приказу взводного командира мы выставляем пару часовых, чтобы не нафянул кто-нибудь из начальства и где-то полчаса собираем орехи и набиваем ими вещмешки. За этим занятием никто нас ни разу не изловил.

А потом вечером после занятий мы с Виктором Чековым, вторым моим заядлым приятелем по школе в станице Ярославской, зовем Каретникова (он в первом взводе) и втроем колотим орехи булыжниками на берегу речки, частенько в полной темноте попадая себе по пальцам. А всему первому взводу такое удовольствие абсолютно не доступно. С тех пор прошло 60 лет, а я до сих пор испытываю великую благодарность нашему взводному командиру, не зная, жив ли он еще. Он был потом тяжело ранен, и об этом я еще расскажу в свое время.

Кормили нас плохо. Очень плохо. Конечно, как всякие живые люди, мы испытывали разные чувства: и веселье и грусть, и радость и уныние, но одно чувство не покидало нас ни на одну минуту, ни днем, ни ночью — это чувство голода. Уже не помню, какая была в то время тыловая норма хлеба для воен-нослужащих, но эти куски хлеба казались нам такими маленькими, такими ничтожными. А приварок был только в виде почти чистой воды, в которой плавало пять-шесть макаронин, которые было очень трудно поделить поровну, потому что нам наливали один котелок на троих. И сами котелки, эти большие круглые неуклюжие котелки времен первой мировой войны, были выданы по недостатку их, тоже только по одному на трех курсантов. Мне, например, котелка не

досталось. Единственное достоинство такой кормежки заключалось в том, что котелки можно было не мыть после еды, они и так были чистыми.

Спали мы под открытым небом, выбирая себе кустики по вкусу и закутавшись в шинели. Сентябрь в Дагестане — месяц еще не холодный, дождички перепадали совсем небольшие, и это было не очень страшно: спасала шинель. Тут я должен сказать великое спасибо нашей серой, русской солдатской шинели, спасавшей нас и от холода, и от дождя.

Порядки же армейские соблюдались строго. В 6 часов подъем, и нужно, раздевшись, голым до пояса, бежать к речке умываться холодной (очень холодной) водой, а потом делать зарядку, дрожа от холода, и только потом разрешалось одеться и идти завтракать в столовую (так именовался небольшой навес на тоненьких столбиках, крытый какой-то корой). А потом — занятия. На занятиях надевать шинели не позволялось, и мы все время с тоской оглядывались на высокую гору за рекой с восточной стороны нашего лагеря, откуда с таким запозданием выползало, наконец, не очень горячее осеннее солнце. Сразу становилось теплее.

На территории нашего батальона был еще один навес, большой, но недостроенный: был бетонный пол, были столбы, но не было крыши. Какие-то умельцы из наших курсантов соорудили крышу из камыша, и нас, наконец-то, разместили в должном порядке, по ротам и взводам. На бетонный пол были положены сплетенные из тонких прутьев лежаки, чтобы не лежать на голом бетоне, и жизнь стала чуточку упорядоченной. Спали мы, по-прежнему, завернувшись в шинель, положив под голову противогаз и крепко обняв свою неразлучную трехлинейку образца 1891/30 года. И так же по утрам быстро сбрасывали шинели, гимнастерки и нательные рубахи, бежали на умывание и зарядку, хотя становилось все холоднее и холоднее.

Вскоре привезли другую обувь, красные американские ботинки, всем босым и нам двоим обутым заменили английские, и шаг роты при марше стал ровным и четким. Теперь рота стала даже песни петь. Когда половина роты была босой, команды «Запелай» что-то не было слышно.

Занимались мы много и изучали мы многое. Стрелковое оружие: мосинскую винтовку, СВТ, ППД, ППШ, пистолет ТТ, а также противотанковое ружье, все виды ручных фанат и бутылок с зажигательной смесью, сначала с большими спичками, привязанными к

бутылке, а потом с самовоспламеняющейся жидкостью КС. Почти из всех видов оружия проводились стрельбы, и тут я здорово отличался. Я еще школьником очень хорошо стрелял, постоянно был чемпионом школы (из малокалиберки) и уже в седьмом классе имел взрослый значок Ворошиловский стрелок II ступени. С фанатами у меня было куда хуже, ведь было мне всего 17, да и силушкой я никогда не отличался.

Больше всего времени у нас, конечно, затрачивалось на минометы. Мы изучали оба миномета, и время от времени менялись: отдаем свои 50 мм в первый взвод, а получаем от них 82 мм. Я — наводчик, первый номер. Если у нас 50 мм миномет, я таскаю весь миномет (он не разбирается) и в отдельной коробочке прицел к нему, а если 82 мм, то ствол, длинную такую трубу, и опять же прицел. Плюс к этому — винтовку, противогаз, лопатку, патроны и фанаты. Вес большой, и мне, по моему малолетству и невеликой грузоподъ-емности, пригодится туго. Правда, по уставу не разрешается переносить минометы на спине более 5 километров, но кто этот устав выполняет. А из транспорта в нашем батальоне в качестве единственной единицы — это знаменитая потрепанная полуторка.

Так что за все отвечают наши спины.

В нашей роте 66 человек, а по национальному составу в ней три примерно равные части: армяне, азербайджанцы и мы, кубанские мальчишки 1924 и 1925 года рождения. Вообще-то нас, которые 1925 года, вроде бы в армию еще брать нельзя, но нас об этом никто и не спрашивал, а уже на фронте мы с удивлением узнали, что мы, оказывается, добровольцы.

Армяне и азербайджанцы все без исключения с высшим образованием, главным образом учителя, а наш помкомвзвода Хайдаров — директор школы. Видимо, мобилизацией в Закавказье подчищали уже всех. Из русских, кроме нас, мальчишек, есть еще человека три взрослых, в том числе командир наше-го расчета Дикин, тоже учитель. Есть еще один русский, не знаю, как попав-ший в нашу роту, парень не очень образованный, но из кадровых частей 1941 года, прошел, что называется, сквозь огонь, воду и медные трубы. Кое-что про фронт рассказывает, мы слушаем, развесив уши.

Никакой национальной напряженности в роте нет. Есть некая, если мож-но так выразиться, возрастная напряженность. И понятно, почему. Сорока-летние преподаватели смотрят на нас, вчерашних девяти- и десятиклассни-ков, как на учеников,

а нам это обидно, мы, дескать, такие же курсанты, как и вы. Добавляет обиды и еще одно обстоятельство: мы учимся с большим старанием и, естественно, знаем все: и уставы, и материальную часть, и так-тику лучше взрослых, а в то же время, если где-то нужно назначить старшего, то обязательно назначают старшего по возрасту, а не лучшего по учебе. На-верно, это было правильно, но нас это обижало.

Впрочем, никаких особых конфликтов в роте не было.

Получив замечательные американские ботинки, я сразу же решил избавиться от лишнего веса в своем вещмешке, от своих сапог, ведь солдату в походе и лишняя иголка тяжела. Да и немножко подкрепиться тоже бы не помешало. Дело это было непростое, но Витька Чеков, бывший еще в станице известным прохиндеем по части налетов на чужие сады, взялся за это дело. Операцию описывать не буду, она закончилась успешно и принесла нам две фляжки верблюжьего масла, десять больших кукурузных лепешек и противогазную сумку вареных каштанов. И мы втроем праздновали (тайком, конечно) целых три дня, добавляя к скудному государственному пайку всего понемногу.

В нашу роту прибыл помкомроты. Лейтенант, длинноногий, по выговору белорус, по выражениям — не шибко грамотный, по делам — знающий и опытный минометчик. Взялся он нас гонять по горам и долинам с секундометрами в руках, только и слышим: «Взвод, ориентир — левое дерево на правом склоне левой горы. Минометы к бою!» А потом самолично проверяет уровни, прицелы, дальность на каждом миномете. После этого: «Минометы на вьюки!» — и все сначала. Все это мы и так неплохо умели, но он нас так выдрессировал, что у нас все уже получалось автоматически. Но грамотешки у него не хватало. Как-то раз, объясняя нам правила построения параллельного веера, он так запутался в углах, что я, круглый отличник и лучший математик средней школы № 1 станицы Ярославской, не смог стерпеть такого измывательства над тригонометрией, и уже открыл рот и начал подыматься с места, но Чеков резко дернул меня за рукав и посадил на бревно. А рот закрылся сам.

Политзанятия проводил у нас, естественно, политрук. По должности политрук роты, по званию — младший политрук (два кубика на петлицах), по знаниям — почти ничего не знающий, по уму — тупой, по партийному стажу — старый коммунист. Он был обыкновенным, не очень квалифицированным ростовским рабочим, но по причине большого партийного стажа его и сделали политработником. Он на занятиях сплошь и рядом городил сплошную чушь собачью, путая страны, города, разных политических деятелей и вообще всяческие политические понятия. Взрослые курсанты все это видят и понимают, но помалкивают, а мы, мальчишки, обязательно высказываем, стараемся

поправить его. Уж очень хочется ум свой показать.

В конце концов, он в нашей роте стал проводить свои занятия по такой методе: «Сейчас мы проведем занятия по такой-то теме. Курсант Каретников (или Кравцов), расскажи, что ты знаешь об этом. А мы стараемся. Мы его немного опасались, человек он был мстительный, но в отличниках боевой и политической подготовки мы числились постоянно.

К середине октября мы провели учебные стрельбы из обоих типов мино-метов. Наш расчет получил две отличных оценки, таких расчетов было всего два из семи. Нам объявили благодарность.

Собственно, учеба наша уже была закончена. Мы все с нетерпением ожидали присвоения званий и распределения по стрелковым полкам дивизии. Уж очень надоело таскать минометы.

И вот мы идем пешком к станции Дагестанские Огни, где нас грузят в эшелон.

Едем! Куда?

2. Первый осколок

Нас выгрузили ночью на станции Шамхал недалеко от Махачкалы в сторону Грозного и повели прямо в горы. И вот мы теперь здесь. Кругом голые скалы, ни кустика, ни деревца, только кое-где проглядывается жухлая сухая осенняя трава. И никакого укрытия от пронизывающего ветра второй поло-вины октября. И каждый начал

устраиваться по своему усмотрению.

У меня отличная нора, любой барсук позавидует. Я нашел небольшое углубление под высокой, почти вертикальной скалой, углубил и расширил его своей пехотной лопаточкой, прикрыл сверху камышом, — и жилище, теп-лое и уютное, готово. Сплю я как убитый, выставив наружу штык своей вин-товки для того, видимо, чтобы утратить вероятных немецких десантников, да и целиком винтовка в моей норе не помещается.

Занятия наши продолжаются. Так же в 6.60 «Минометная рота, подъем!». Только тепгрь зарядку мы не делаем и не умываемся. Во-первых, холодно, а во-вторых — все равно воды нет. То есть, вода есть, но только для питья, в небольшом бачке, Если еще бы и для питья воды не было, тогда совсем дело пропащее. Утром нам привозят хлеб, селедку и сахар, то есть все то, что требует воды. Помкомвзвода Хайдаров делит все это на порции, раскладывает на огромном камне, а потом производится наше знаменитое советское «Кому!» Если кто из молодых читателей не знает, что это такое, объясняю. Это — лотерея. Несколько буханок хлеба и несколько рыбин разделить на иде-ально равноценные порции невозможно, обязательно, будут недовольные. А лотерея — дело святое. Один из участников этого «действия отворачивается, Хай-даров показывает пальцем на какую-нибудь порцию и громко вопрошает: «Кому?» Тот отвечает «Иванову» и т. д. Если кому-то попадает порция, которой он недоволен, то это не чьи-то козни, а судьба. Впрочем, Хайдаров в этом деле честен и старателен, к нему никаких претензий.

«Тяжело в ученье — легко в бою». Не знаю, было ли известно это изрече-ние великого Суворова нашим командирам, но первую его половину они выполняли усердно, даже, считаю, с перевыполнением.

Зачем нас так гоняют до полного изнеможения, до потери остающихся жалких сил, понять невозможно. Ведь мы уже все знаем, все умеем. Продол-жительность занятий, по-прежнему, 12 часов, но теперь они только тактичес-кие, то есть ходьба и беготня по горам. Уставы все давно изучены-переизуче-ны, политзанятия, на которых можно было хоть немного отдохнуть, стали редкостью. Снова сказывается некоторая разница между взводами, наш Сагателов хоть изредка, заведя взвод куда-нибудь подальше, дает нам полчаса передохнуть. В первом взводе такого нет.

Иногда нам в этом деле помогают немцы. Когда немецкие Юнкеры-88 идут на Махачкалу, команда «Воздух» дает нам возможность сколько-то полежать.

Возможности замаскироваться у нас никакой нет, но немцы нас так ни разу не бомбили и не обстреливали. Внизу, возле Шамхала, был устроен ложный аэродром, хорошо нам видный, но немцы и на него ни разу не польстились.

У нас выявились вши. И как-то у всех сразу. Может, и правы были те средневековые ученые, которые, до Пастера, считали, что вши заводятся от грязи, а мы ведь уже почти два месяца не купались. Выручила нас случайность. Кто-то обнаружил недалеко, километрах в трех, горячий серный источник, и тут же выяснилось, что он прямо-таки губительно действует не этих паразитов. Нас стали группами человек по 15-20 водить туда, так сказать, на обработку. Дошла и наша очередь. Разделись мы догола, вода горячая, а там, где она вытекает из-под скалы, даже вытерпеть невозможно. Провели эксперимент. Действительно, сунешь кальсоны в самое горячее место, она, вошка, сразу скрутится в дугу, и готово, откинула копыта. Обработав таким образом брюки, гимнастерки и нижнее белье и расстелив все это на камнях под холодным осенним солнцем, сидим в горячей воде, ждем, когда все высохнет. Сменного белья у нас нет, не выдали, полотенец тоже нет, не выдали.

Права пословица, что нет худа без добра. У меня лет с пятнадцати стали побаливать коленные суставы, что-то вроде ревматизма. А после двух процедур по уничтожению вшей, когда мне пришлось часа по два сидеть в этой вонючей яме, все вроде бы и прошло. По этой ли причине, или какой другой, только до сих пор никаких неприятностей с коленками у меня нет.

Пока все по Маяковскому: «Дни летят, недели тают». Дни становятся все холодней, беготня с минометами все мучительней, кормежка все хуже. Только и разговоров у нас, когда же нас раздадут по полкам. Командиры наши в этом нас поддерживают: вот-вот, скоро, скоро.

Два раза у нас брали от батальона по два представителя на расстрел дезертиров: первый раз — двух, второй — одного. Все трое — азербайджанцы. На политзанятиях они рассказывали нам, как это делается.

В нашем батальоне случаев дезертирства не было. Пока.

И вот нас снова грузят в эшелон в том же Шамхале. Но теперь мы едем совсем в других условиях. Перед погрузкой нас предупреждают: едем мы в товарных вагонах, двери которых будут постоянно закрыты и закручены сна-ружи толстой проволокой; при остановках на станциях не разрешается смот-реть в окна, в противном случае охрана из станционных комендатур имеет приказ стрелять по окнам без предупреждения; на станциях запрещается от-правлять естественные надобности через отверстия в полу вагона, нарушите-ли будут всем вагоном направляться в штрафные батальоны. Смотреть в окна и отправлять эти самые надобности разрешается только на ходу за пределами станций. Там же эшелон будет останавливаться на несколько минут для раз-дачи питания. Все эти невероятности нам объясняют наличием на всех стан-циях немецких агентов и стремлением такими строгостями уберечь нас от бомбежек. Пусть так, но остается один вопрос: а если все-таки немцы будут бомбкть наш эшелон, то кто будет под бомбами раскручивать эту самую проволоку, или так и гореть нам в вагонах заживо, обманывая тем самым немецких агентов?

Все это мы, конечно, горячо обсуждаем, быть заживо изжаренным нико-му не хочется, но больше нас занимает сейчас другой вопрос: куда нас везут? Мы уже видим по названиям станций (приспособили зеркальце), что везут нас на запад, но куда именно? По сводкам Советского Информбюро бои идут в районе Моздока, значит, все станет ясно в Гудермесе: направо — значит под Моздок, то есть на фронт; налево — значит на Грозный, и будем продолжать обучение и ожидать присвоения званий.

Нам, мальчишкам, больше хочется на фронт, там вроде бы кормят луч-ше, хлеба то ли по 800 г дают, то ли еще больше. Взрослые помалкивают, но ясно, что наших желаний они не разделяют.

Вот и Гудермес. Едем на Грозный, значит, не на фронт. Мы ведь не знаем, что немцы начали наступление, уже захватили Нальчик, загнали остатки 37-й армии, лишившейся всего транспорта и тяжелой техники и оставшейся толь-ко со стрелковым оружием, в горы и рвутся танковыми колоннами на Орджо-никидзе (теперь Владикавказ), откуда начинается Военно-Грузинская дорога, то есть путь в Закавказье, на Тбилиси.

А мы себе спокойненько едем. Проезжаем Грозный, и вот наш эшелон подходит к Беслану. Здесь нас было начали выгружать, но быстро прекратили выгрузку и повезли на Орджоникидзе, теперь уже, правда, не заматывая про-волокой. Тут, видимо, немецких агентов не было. На станции Орджоникидзе нас уже окончательно выгрузили, и эшелон ушел.

Город имел грозный вид. Повсюду воинские отряды, кругом баррикады, противотанковые ежи, в нижних и полуподвальных этажах каменных зданий пробиты амбразуры, откуда торчат стволы пулеметов. Настоящая крепость.

Нас это удивляет, ведь по сводкам информбюро фронт еще далеко отсюда.

Долго нам рассматривать город не пришлось. Часа через два пришел другой эшелон, нас погрузили в него, и едем назад, в Беслан, где уже оконча-тельно выгрузились и двинулись пешим маршем на запад, дошли до аула Фарн, где и разместились в школе. Хорошо, тепло и сухо.

С утра нас подняли на обычные занятия, но заниматься нам, к нашему удовольствию, практически не пришлось целый день. На Орджоникидзе че-рез каждые 20-30 минут идут прямо над нами мелкими группами по 4 само-лета ромбиком немецкие Ю-88, мы только и слышим «Воздух» да «Воздух». Так что мы почти все время лежим под заборами. К тому же здесь на огоро-дах полно капустных кочерыжек, оставшихся после срезки кочанов, и оказа-лось, что в них есть еще немало съедобного. Чем мы и пользуемся.

Это все продолжается и следующий день, а ночью мы выступили в по-ход. Куда-то идем в кромешной тьме, ничего не видим, только часа через полтора-два замечаем темные силуэты зданий. Заходим в какой-то населен-ней пункт и размещаемся в огородах. Никаких особых команд не получаем, кучкуемся группами для спасения от холода и благополучно спим. Все до одного. Но недолго. Громкие команды: «Подъем!», «Минометы на выюки!», «Шагом марш!», и мы двигаемся. Но уже не шагом. Бесперывно: «Шире шаг!», «Подтянись!», «Не отставать!», двигаемся почти бегом, уже без дорог, по кукурузным полям, перебегаем какие-то ручейки и речки, и все время: «Быстрее! Быстрее!».

Где-то впереди, на темном горизонте, появляются огненные мотыльки, летящие вверх: один, два ... много. И вдруг совсем недалеко от нас, сзади появляется целое море огня. «Катюша, катюша, катюша!» Не знаем, действи-тельно ли это «Катюша», но подстегнула она нас, почти падающих от устало-сти, здорово.

К рассвету входим в большой населенный пункт. Станица Архонская. Буквально набита войсками, кругом пехота, артиллерийские орудия, английские танки, небольшие и какие-то кургузые. Мы снова располагаемся в ого-роде, опять с капустными кочерыжками. По этой части вам везет.

Над станицей появляется Фокке-Вульф-190, знаменитая немецкая «рама». Но не бомбит, не обстреливает, а сбрасывает листовки. Весь воздух заполнен бесчисленными белыми листочками. Многие стреляют по «раме» из винто-вок, стреляю и я. Но не потому, что надеюсь сбить его, проклятого, а совсем по другой причине. Дело в том, что когда нам выдавали еще в Маджалисе винтовочные патроны, то предупреждали, что за каждый потерянный патрон потерявший получит до 5 лет тюрьмы. Патронных подсумков у нас не было, от долгого таскания патронов в карманах они стали совсем дырявыми, и я, недавно подсчитав свои патроны, обнаружил, что 5 патронов у меня недостает. Так что — пятью пять двадцать пять. А теперь я веду огонь, следовательно-но, боезапас у меня уменьшается по боевой необходимости.

Появляется политрук (теперь уже не политрук, а лейтенант; недавно в Красной Армии ликвидированы политические воинские звания, и теперь бывшие политруки стали лейтенантами) и отдает приказ отбирать листовки у местного населения. Начинается веселая суматоха: местные жители бегают, ловят или собирают листовки и читают их, мы бегаем и отбираем листовки у них и тоже читаем, политрук-лейтенант бегает и отбирает листовки у нас. Многие из наших листовки прячут — махорку нам выдают, а бумагу нет. Я — человек некурящий, и мне бумага не нужна, но листовки, а их две, я все-таки прочитал.

На одной из них такое обращение: «Бойцы и командиры 37-й армии. Мы загнали вас в горы, у вас нет продовольствия. Мы уничтожим вас... и т.д.». Одним словом, сдавайтесь. На второй показано, с какой радостью население Кубани встретило немцев, фотография: немецкий офицер окружен веселыми и радостными кубанскими девушками, они щелкают семечки, на губах налипла шелуха.

Я не стал прятать листовки, как это сделали некоторые для курева. При обнаружении у кого-либо такой листовки (а она одновременно служила пропуском при сдаче в плен) он неминуемо попадал под трибунал, а на передовой могли шлепнуть и без всякого трибунала.

Мы сидим по краям какого-то странного сооружения. Это глубокая, выше человеческого роста прямоугольная яма, ограниченная толстыми стенами из дикого камня. Похоже на недостроенный погреб, но нет ступеней и непонятно, как туда спускаться.

Слышим крики: «Ребята, ребята! Катюша, катюша!» Подбегаем к плетню, действительно «Катюша», на американском Студебеккере, рельсы — направляющие, подвешенные ракеты, все как надо. И вдруг... как загремело, загрохотало, засверкало огнем, покрылось дымом. А потом развернулась на дороге, взревела двигателем и исчезла.

Мы стоим — оглушенные, ослепленные, задыхающиеся. Но почти сразу — свист, разрыв, свист, разрыв, и пошло, поехало. Немцы засекли «Катюшу» и по месту, откуда она дала свой залп, обрушили массированный артиллерийский огонь. Мы все посыпались горохом в свою каменную яму, сидим плотной толпой, снаряды рвутся часто и густо. Свист снарядов, грохот разрывов, чьи-то крики. В нашу каменную яму (хорошо, если не общую могилу) залетают комья земли и даже осколки, уже обессиленные. Я один из осколков, еще горячий, кладу себе в карман. Как-никак, а первый осколок на войне.

Все стихло. Выбираемся из нашей спасительницы-ямы с большим трудом, ступеней-то нет. Да, картина! Дымящиеся воронки, поваленные деревья, разбитые заборы, вместо дома нашего хозяина (то есть, хозяина огорода, где мы, как это лучше сказать, базировались или дислоцировались) груда дымящихся кирпичей. Не знаю, был ли кто в доме.

Мы, минометчики, вроде все целые. Но стрелкам досталось. Прямо на плетне нашего огорода, под которым лежало много курсантов-стрелков, разорвалось два снаряда. Есть и убитые, и раненые, и просто разорванные на куски. Мы было намереваемся бежать туда, как-то помогать, но появившийся Сагатов запрещает нам это. Команда — быть всем вместе, никуда не отлучаться, можем получить какой-то приказ.

Смотрим, как стрелки носят убитых и раненых, которые были под тем самым плетнем. Интересно, что эти самые плетни обладают какой-то странной притягательной силой. Вроде всем ясно, что плетень не защищает ни от пуль, ни от осколков, но как только начинается или бомбежка, или артиллерийский обстрел, или обыкновенная пулеметно-автоматная свинцовая метель, так тебя прямо неудержимо тянет под

ближайший плетень.

Сидим с Витькой Чековым опять же под плетнем и шушукаемся. Вот такая картина. Значит, мы на фронте. Значат, и в эту прошедшую ночь нас привели в том ауле на фронт, на передовую. И никто об этом не знал: ни мы, курсанты, ни наши средние командиры. Если кто не знает, сообщаю, что слова «средние командиры» я употребляю не в каком-то ироническом смысле, а это был официальный армейский термин. В то время в Красной Армии не было офицеров, а были командиры, которые делились по чинам на несколько групп: от младше-го лейтенанта до старшего лейтенанта именовались средним комсоставом, от капитана до полковника — старшим комсоставом и так далее. Так и в приказах писалось: средним командирам делать то-то и то-то. И команды такие были: «Внимание, средним командирам собраться под таким-то деревом!».

Можно как-то понять, что ничего не знали мы, рядовые курсанты. Но почему о нашем прибытии на передовую не знали командиры? А что они действительно не знали, это бесспорно. Иначе наш батальон принял бы какой-нибудь боевой порядок, пригодный для обороны, было бы известно, с какой стороны ожидать противника, были бы выставлены посты, выдвинуто боевое охранение. А ничего этого не было. Мы все, если по Рылееву, «беспечно спали среди дубравы» в этом самом ауле Нарт (теперь мы знаем, как он называется), а в это время немецкие мотоциклисты заходят в этот же аул с другого конца.

Еще, слава Богу, что эти мотоциклисты были вовремя обнаружены, и мы тоже вовремя рванули из Нарта. Хотя вопрос, нужно ли было нам бежать оттуда, остается вопросом. Много лет спустя я прочел в одной книге об обороне Кавказа такую фразу: «Немцы рвались к Орджоникидзе танковыми колоннами, отбрасывая прибывавшие полки 319 стрелковой дивизии».

Насчет отбрасывания все верно. И насчет полков тоже. Вслед за нами из Нарта так же бежал один из стрелковых полков дивизии, и именно по «хвосту» этого полка ударила ночью наша реактивная артиллерия. Но никаких танковых колонн на нашем участке не было. Так надо ли было бежать?

У нас с Витькой мнения по этим вопросам высшей стратегии разделились. Я считал, что все эти безобразия вызвана издержками всей нашей идиотской сверхсекретности и

припомнил, как мы ехали в вагонах с дверями, замотанными проволокой. Витька утверждал, что все это — обыкновенная русская расхлябанность и безответственность: кто-то кому-то не сообщил, кто-то чего-то забыл, кто-то не послал разведку или послал не туда и т.д.

Все это вслух не скажешь. Нам уже два раза читали приказ Сталина № 227, тот самый, который «Ни шагу назад!». Вернее, один раз читали перед строем, а второй — наш замполит проводил занятия по его изучению, на кото-рых втолковывал нам, что теперь любой командир имеет право застрелить любого труса и паникера, а любой старший командир имеет такое же право по отношению к младшему. Причем, паникер — это не только тот, который в страхе бежит и кричит: «Спасайся, кто может!», но и тот, кто ведет разговоры, которые способствуют созданию панических настроений, то есть, если по-простому, те, которые говорят, что у нас в армии что-то плохо, а у немцев много танков. Так что, с этой точки зрения мы с Витькой — явные паникеры.

Поэтому, шу-шу-шу, шу-шу-шу.

Я достал из кармана уже остывший осколок и посмотрел на него. Вот такая мелкая железная пакость, а сколько бед она может принести: и искале-чить человека, и жизнь у него отнять, и принести немислимое горе многим далеким людям.

3. Вперед? На Запад?

Чуть стемнело, и мы снова двинулись в поход. Куда? Да в тот же злосчас-тный Нарт. Оказывается, немцы не заняли этот аул, а те мотоциклисты были скорее всего или разведкой, или же небольшим передовым отрядом, который не счел необходимым удерживать Нарт за собой.

Входим в Нарт, рассредоточиваемся в огородах. Теперь мы соображаем: это там, где в темноте изредка взлетают осветительные ракеты, и засел жестокий враг. Но это не близко, с километр-полтора.

Забегали, засуетились командиры — мы идем в наступление. Задача — вы-бить немцев с их позиций и продолжать движение к Ардону. Нам выдают фанаты: кому РГД, а кому и противотанковые, тяжелые и неуклюжие. Навод-чикам противотанковых не дают, я засовываю РГД в карман шинели.

В нашем расчете восемь человек: командир Дикин, я — первый номер, наводчик; второй номер — Григорян, вдвое старше, на голову выше и в десять раз сильнее; третий номер — Мишка (мы все, курсанты, называем друг друга по фамилии, но его почему-то вся рота зовет Мишкой, хотя он совсем не мальчик, а лет под сорок); четвертый номер — Аванесов, такой невысокий и весь какой-то круглый. Остальных троих я не запомнил, они очень быстро выбыли из строя: один был убит на наших глазах, один не вернулся из очеред-ной ночной атаки, а третий был тяжело ранен в правое бедро крупным оскол-ком, и мы дотащили его до медпункта.

Нам приказ идти метрах в двадцати-тридцати за стрелковой цепью и быть готовыми к открытию огня. Идти — понятно, открытие огня — непонят-но. Что я могу разглядеть на шкалах и уровнях прицела в кромешной тьме? Фонариков никаких у нас нет, спичек тоже. У курящих имеются карман-ные «катюши» — кресала с нужными причиндалами, но для меня, наводчи-ка, это не тот инструмент.

Начинаем движение. Перебираемся через плетни и заборы, переходим вброд какую-то речушку и идем по кукурузному полю. Здесь множество кукурузных полей, все они не убраны, тяжелые кукурузные початки свешиваются со стеблей, иногда больно бьют по ногам.

Конечно, у немцев было какое-то передовое охранение, осветительные ракеты замелькали все чаще и чаще. И вдруг в их белую завесу втесалось несколько цветных. Мы не сразу поняли значение этой церемонии, но это неведение продолжалось не более минуты. На нас обрушился шквальный пулеметный огонь. Наверно, ни у одной снежной пурги не было столько снежинок, сколько цветных огоньков мчалось нам навстречу.

Что тут началось. Крики, стоны, беготня, кто бежит вправо, кто влево, кто назад, но никто вперед. Я сразу обнаружил, что возле меня уже нет никого из моего расчета, и бросился туда, направо, где вроде было понижение, и куда направлялось большинство бежавших, желая укрыться от бесчисленных смер-тельных огоньков. Добрался, сбросил миномет на землю, чтобы отдышаться. Что делать дальше, не знаю. Помогли немцы. Точно так же, как внезапно и массированно они обрушили на нас пулеметный огонь, теперь то же самое они сделали с минометами. Сразу, без пристрелки, и часто-густо. Вой мин, хлопанье разрывов, свист и щелканье разлетающихся осколков — под эту му-зыку мы все бросились только в одном направлении — назад, к своим огоро-дам. Конечно, не все, а только живые.

Я перебрался через речку, вот и плетни, а за ними уже собравшиеся в кучки курсанты, слышны крики командиров, собирающих свои взводы. Если бы кому-нибудь из высокого начальства пришла в голову мысль применить на практике указание приказа № 227, наш батальон безоговорочно пригоден был для этого и весь без единого исключения подлежал к расстрелу, как тру-сы и паникеры. Начальства близко не было.

Слышу крики: «Минометчики!» Перебираюсь через три-четыре плетня, и вот они, наши. Собираемся по расчетам, наш расчет потерь не имеет, мате-риальная часть вся цела.

Повторяться не буду. Часа через полтора мы снова пошли в наступление точно таким же образом и точно с таким же результатом, если не считать, конечно, тех, кто навек остался на том кукурузном поле.

Думаю, что командование наше намеревалось направить нас и в третью атаку, но это было невозможно по той простой причине, что после второй нас уже не удалось собрать и как-то организовать.

Вторая и третья ночи прошли точно так же, только во вторую ночь не вернулся из боя один курсант из нашего расчета, а под утро, после шестой за трое суток атаки, нам было приказано закрепиться на чистом поле за рекой.

Закрепиться, легко сказать! Под огнем, правда, не очень сильным, уже перед самым рассветом, неумело окапываемся своими несчастными лопа-точками, стараясь только в

одном — как можно глубже зарыться в земле, благо земля на пахоте мягкая. О минометах все забыли.

Место, где нам приказано «закрепиться», нельзя назвать удачным. Ровное, голое, вся наша позиция для немцев, как на ладони. И нет воды. Почему я так серьезно говорю о воде? Нам было сказано, что наши дивизионные продо-вольственные склады были разбиты немецкой авиацией, и все трое суток, что мы были на «закрепленной» позиции, нас кормили только сухарями и селед-кой. К счастью (моему) у меня обнаружилось очень полезное для стойкого бойца Рабоче-крестьянской Красной Армии качество — я оказался совершенно нечувствительным к недостатку воды, даже после сухаря с селедкой. А боль-шинство мучились страшно. Но до воды, до речки — четыреста метров, и днем туда мог отправиться только самоубийца. А у немцев уже и снайперы объяви-лись, и были жертвы. Запасались водой ночью, хотя и это было небезопасно. Но сколько можно было взять воды в наши стеклянные фляжки, к тому време-ни у некоторых уже разбившихся. Набирали и в котелки, но их мало.

Я спросил у Сагателова, зачем мы бегали вместе со стрелками в атаки, если мы все равно не сделали ни одного выстрела, да и не могли этого сде-лать, хотя к последним атакам мы уже держались более или менее вместе своим расчетом, по крайней мере, Дикин, Григорян и я. Он ответил — для отражения возможной немецкой контратаки. Вот так. Если контратака была бы только пехотой, то мы бы отбивались минометным огнем, а если с танка-ми, то противотанковыми гранатами. И бутылками. Нам выдали бутылки с КС, жидкостью, которая загоралась сама при контакте с воздухом. У нас один курсант чуть не сгорел, когда бутылка разбилась у него в кармане шинели. На нас ведь навешано много всякого разного, и шинель быстро не снимешь. Так что обгорел он здорово, его отправили в тыл.

Применение бутылкам мы нашли быстро. Утолять голод помогала кукуруза, которой везде полно. Выломаешь пару початков, поливаешь из бутыл-ки в уголке окопчика на землю и поджариваешь кукурузу. Правда, потом эта жарено-горелая кукуруза выходила почти невредимой этим самым естествен-ным путем, хоть промойвай и ешь ее еще раз. Я не пробовал.

Я уже стал мародером. У меня не было котелка, а что это за солдат на передовой, если он без котелка. Я уже видел убитых с котелками, привязан-ными к вещмешку за спиной, но у меня долго не хватало храбрости, да и отвязывать котелок в темноте, под огнем, конечно, не дело. Потом я положил в карман осколок оконного стекла и в последнюю нашу «атаковую» ночь срезал все-таки себе котелок у одного погибшего. Надеюсь, он

меня простил.

Наконец кто-то из начальства сообразил всю глупость нашего пребывания на «закрепленной» позиции, и мы перебрались непосредственно в Нарт, на крайние огороды, которые выходят своими тылами в сторону немцев. И опять, конечно, закрепиться.

Здесь к нам присоединился один из наших курсантов, по имени Николай. Он пришел, а точнее, приполз, так как был крайне слаб и уже еле-еле ходил. У него была явная дизентерия, он уже фактически ничего не ел, а только исходил кровавым поносом. Он уже несколько раз вот так следовал за нами, а мы ему устраивали небольшой окопчик, где он и лежал. Но в тыл его не отправляли. У нас у всех было такое безалаберное питание, часто единственной пищей служила горелая полусырая кукуруза, и расстройство пищеварения было очень частым явлением. Но обычно, как началось, так и закончилось. И претензий у нас никаких не было. А с ним совсем другое. Но он так и ходил, и ползал за нами.

У нас произошли некоторые организационные перемены. Нас, два расчета под командованием Хайдарова придали стрелковой роте и указали место расположения с приказом оборудовать минометные позиции по всем правилам военной науки. Стрелки расположились прямо под плетнем, про-резав дыры для винтовок и пулеметов. Мы подальше, на вспаханном огороде. Чтобы сделать все по-человечески, нужно много копать, что сделать нашими лопаточками невозможно. Наши попытки разыскать лопаты и кирки в сараях брошенных жителями домов ничего не дали. С собой они их увезли, что ли?

Мы с Хайдаровым пошли в соседний двор, где жила еще не уехавшая большая осетинская семья, чтобы попросить какой-нибудь инструмент. Глава семьи, старый седобородый осетин, сразу заговорил со мной по-осетински, на что я, конечно, ни бум-бум. К слову, когда мы были в Нарте, со мной пытались заговорить по-осетински раз пять-шесть. Что ж, внешность у меня была, в некотором роде, «кавказской национальности», хотя происхождение мое чистейшее хохлацко-великорусское, если, конечно, не заглядывать в глубь веков, где у нас, кубанцев, кого только не было.

Хозяин дал нам две лопаты и кирку, и дело у нас закипело. Конечно, мы не рыли окопы полного профиля, а только траншейки для спанья, но для минометов все сделали

правильно. А вот как стрелять? С нашей позиции ничего не видно. Вроде бы так и должно быть, ведь минометы это оружие, предназначенное для стрельбы с закрытых позиций. Но, как говорил Шель-менко-денщик: «Оно, конечно, так, да немножечко и не так». Для того, чтобы вести огонь, нужен наблюдательный пункт (а у нас даже бинокля нет), при переносе огня и в других случаях отсчета углов нужна буссоль (а у нас ее нет), все данные нужно передавать на огневую позицию по телефону (а у нас его нет). Куда ни кинь, всюду клин.

Никаких приказных порядков у нас в полувзводе нет, мы принимаем решения «общим собранием трудового коллектива». Стали искать выходы. Из окопов стрелков возле плетня тоже ничего не видно. Если стать во весь рост, что-то видно, но недостаточно. Я забрался на чердак «нашего» дома, разбил две черепицы (тогда они еще были), вот отсюда все видно отлично. Если бы еще бинокль, я бы и немцев обнаружил. Но как отсюда руководить огнем? Далеко, как ни кричи, не слышно. Хорошо видно с верха копна сена, и она ближе к минометам, но охотников стоять на копне во весь рост и подавать команды не нашлось. Короче, как это ни покажется глупым, но первую свою стрельбу мы начали именно таким идиотским способом: Хайдаров смотрел с чердака, человека три-четыре лежали внизу и передавали команды по це-почке. Случалось, и перевирали, как при игре в «испорченный телефон». Много стрелять не приходилось, нам приказали беречь мины.

С семьей, которая давала нам лопаты, у нас сложились хорошие отношения, хотя к здесь контакты с населением не одобрялись. Но таких строгостей, как в Маджалисе, не было, да и проконтролировать это было просто невозможно. Семья была большая: дед с бабкой, две молодых женщины, не знаю, дочери или невестки, и пять-шесть детей. Особенно задружили мы после стычки, почти вооруженной, с гвардейцами.

Вместе с нами действовали две гвардейских стрелковых бригады, номеров уже не помню. Гвардейцев мы недолюбливали, и это еще мягко сказано. Причиной этого, по-моему, была обыкновенная зависть. Была середина ноября, уже изредка и снежок с неба срывался, а у нас из зимнего обмундирования ничего. А гвардейцы щеголяли в сапогах, ватных брюках, ватных телогрейках под шинелями и в шапках со звездочками. А мы в пилотках, и те без звездочек.

Мы впятером копались на «своем» дворе, отбирая жерди для блиндажа, который мы тогда уже начали строить. И вдруг слышим женские крики, даже не крики, а какие-то дикие вопли и визг. Так может кричать женщина, если ее режут тупым ножом на мелкие кусочки.

Бросаемся в соседний двор и видим такую картину. Дед молча стоит на крыльце, сцепив руки на груди, а обе молодницы, издавая те самые звуки, стараются вырвать большой мешок у двух гвардейцев. А в мешке что-то живое.

Тут у нас начался разговор на великом могучем русском. Чтобы его яснее представить, приведу один анекдот.

«Мать спрашивает сына-подростка, который поехал кататься на мото-цикле и привел его назад разбитым:

— Что тебе отец говорил целых полчаса?

— Ругательства пропустить?

— Конечно.

— Тогда ничего!»

Так что, если из нашего разговора с гвардейцами исключить ругательства, то и разговора вообще не было. Мы же четверо обошли их и стали сзади, направив на них винтовки. Автоматы у них были за спиной, но я не думаю, чтобы дело дошло до стрельбы.

Не дошло. Ясно, что человек, которому почти воткнули в задницу два штыка, становится миролюбивее. И они, бросив мешок, пошли из двора, продолжая громко тот разговор, которого не было.

Молодицы вытряхнули из мешка трех или четырех здоровенных индю-ков, а Хайдаров сказал деду, что мы находимся в соседнем огороде, и если еще кто-нибудь попытается их обидеть, чтоб сообщали нам. Больше их никто не беспокоил, а они каждую ночь готовили для нас кипяток, заваривая его сушеной мятой, пучки которой висят под крышей каждого осетинского дома. Днем это делать было нельзя, немцы на каждый, самый пустяковый, дымок отвечали мощным артиллерийским налетом.

Судьба этой доброй семьи была трагической. Примерно через неделю немцы, как делали много раз до этого, ночью дали залп из своей шестистволь-ной реактивной установки, и одна из ракет, пробив перекрытия, разорвалась в подвале, где спала вся семья. Стрелки, которые их вытаскивали, рассказали нам, что почти все дети погибли, тяжело раненного деда увезли, а о судьбе женщин мы ничего не узнали.

На следующее утро мы бродили по разрушенному подворью, где среди пыли и кусков глины были разбросаны злополучные индюки. Кто-то из нас проявил инициативу, и мы определяли, какие из индюков живы, простейшим способом: тронешь его штыком, если глазом хлопает, значит, жив. Таких на-бралось пять штук, и Хайдаров, собственноручно ощипав их, ночью устроил нам всем великолепный пир с вареной индюшатиной.

Рассказывая об этой осетинской семье, я несколько нарушил хронологию событий.

Мы пробыли в Нарте дней десять. Стрелковым оружием немцы нас не доставали, но артиллерийские и минометные обстрелы были частыми и ночью, и днем. Налеты были мощными, по 40-50 снарядов или мин. А всю ночь, кроме таких внезапных налетов, немцы вели редкий орудийный обстрел оди-ночными выстрелами, желая, видимо, не давать нам спать. Но мы быстро к этому привыкли и уже не реагировали на свист и разрыв одного снаряда. Интересно, как человеческая натура приспосабливается к таким чрезвычай-ным условиям существования, спишь в окопе, недалеко от тебя рвутся снаря-ды, а ты не просыпаешься, но чуть-чуть зашелестит трава под шагами при-ближающегося человека, и ты мгновенно вскочил и схватился за оружие.

Нас все время донимал холод. Одно время мы даже решили по очереди спать в «нашем» доме, который был еще цел и невредим. Мы натаскали сена, и стало в нем вполне сносно, особенно когда принесешь туда шесть-семь котелков с горячей кашей.

Затея наша потерпела неудачу. В первую же ночь, сразу после полуночи начался артиллерийский обстрел, и ровнехонько вокруг нашего дома легли шесть ракет из этого самого шестиствольного. Весь дом содрогнулся, все стек-ла вылетели, черепицы не осталось ни единой. Мы выскочили из дома, броси-лись к своим окопам, но снаряды продолжали рваться, и не всем удалось до них добраться. Здесь мы потеряли еще одного курсанта из нашего расчета, он был убит, не добежав до спасительного (относительно, конечно) окопа.

Мы решили строить блиндаж. И построили, натаскавши толстых брусьев от разрушенной колхозной конюшни, кое-что подобрали из оставленных жителями дворов. Конечно, это был не такой блиндаж, который показывают в современных кинофильмах: высоких, выше человека на метр, просторных, хоть танцы устраивай. Наш блиндаж был высотой всего в один метр, влезали мы в него на четвереньках, а размещались в нем человек семь-восемь, если лежать тесно и поворачиваться с боку на бок по команде. Но в нем было тепло, слабые дождики не проходили через полуметровую засыпку, и от простой мины была защита. Мы спали в нем по очереди, по расчету. Один расчет в окопах, один в блиндаже.

Вот в этом блиндаже, оставшись наедине с Хайдаровым, я и затеял разговор о том, как мы воюем. Почему у нас нет ни того, ни другого, ни третьего, почему у Сагателова на поясе кобура, но в ней нет пистолета, кончик кобуры по причине пустоты загнулся, и мы хихикаем: дескать, у него специальный пистолет для стрельбы из-за угла. Почему мы ходим в эти бессмысленные атаки, уже потеряли столько людей, а немцам не причинили никакого вреда. У нас уже выбыли из строя и комбат, и наш ротный Хабибулин. В газетах, которые к нам изредка попадают, читаем постоянно: «Вперед, на Запад», где же тот «Вперед!» и где тот «Запад»? Нас же всех перебьют здесь, на Востоке.

Хайдаров начал мне говорить, что наш батальон — учебный и не пред-назначался для ведения боевых действий, поэтому, дескать, у нас и нет многого, и так далее. Все это, конечно, было неубедительно, да и в голосе его уверенности не было. Под конец он сказал мне, чтобы я не затевал подобных разговоров ни с кем.

Я не знал тогда, что Хайдаров был парторгом батальона, а то я и с ним не говорил бы об этом. Мы не знали тогда еще слова «стукач», оно вошло в русский язык уже после войны из ГУЛАГа. Тогда говорили «сексот». Так вот, Хайдаров не был ни стукачом, ни сексотом.

У меня появился первый военный трофей. Мы вдвоем отвели раненого на медпункт и возвращались на позиции. Идем по улице, она широкая и профилированная, то есть с кюветами, но земляная, и по времени года грязная, а кюветы вообще — тяжелая, липкая грязь. Идем, навстречу нам старик-осетин на одноконной арбе. Мы почти поравнялись, когда немцы открыли беглый минометный огонь, то ли заметив арбу и приняв ее за что-то военное, то ли просто выполняя очередной налет. Мы, перепрыгнув через заборчик, легли под стену кирпичного дома, а осетин резко повернул влево, и арба крепко засела в кювете. Лошадь прямо рвется, но вытащить арбу не может. А мины рвутся. Тогда осетин вскочил на лошадь, что-то там обрезал и галопом помчался от этого места. Разорвалось еще с десятков мин, все затихло, и мы подошли к арбе, а в ней семь-восемь мешков с каким-то зерном. Мой напарник говорит мне: «Ты посиди здесь, покарауль, а я смотаюсь за старшиной». Он побежал, а я остался. Ворочаю от безделья мешки, и вдруг в самом низу в соломе нахожу кинжал, старинный осетинский кинжал, весь отделанный чеканным серебром, просто, чудо какое-то. Я, конечно, сразу нацепил его на пояс. Он мне немало помогал в нашей фронтовой жизни, а позже, я считаю, он вообще спас мне жизнь и позволил писать вот эти строки.

Подъехал старшина, мы перегрузили мешки, и каждый отправился по своим делам. Несколько слов о старшине. Когда мы прибыли на фронт, у нас в роте был нормальный старшина с четырьмя треугольниками. К тому времени у нас в батальоне не было никакого транспорта, нашу полторку забрали на формирование какой-то моторизованной части, хотя трудно представить, чтобы эта наша полудохлая машина могла хоть что-то моторизовать. Но факт есть факт.

Фронт только что установился, и по полям бродило немало брошенных лошадей и старшина быстро подобрал пару с подводой. Однако на третий ли четвертый день нашего пребывания в Нарте прямо во двор, где расположилось наше ротное хозяйство, попал крупный снаряд, повар был убит, старшина тяжело ранен. Старшиной назначили из курсантов того самого бывалого, о котором я уже писал. Он оказался старшиной необыкновенным. Он быстро подобрал новую пару коней и заново устроил кухню. И в любую погоду, в любой боевой обстановке, сам, иногда ползком, доставлял нам на передовую горячую пищу, чаще всего, кукурузную кашу. Один раз немецкий трофейный термос, с которым он полз к нам, пробил пулями, и он явился в окопы, весь облепленный дымящейся кашей. А когда нам начали выдавать «наркомовские» 100 грамм, не было случая, чтобы он не заявился к нам со своей жестяной баклагой, чаще всего ночью. Если учесть, что наша минометная рота почти всегда была разбросана по нескольким местам, я считаю, что его служба была просто героической. И еще я скажу нечто, во что, пожалуй, никто не поверит. Нам начали выдавать шапки, небольшими партиями по 5-6 штук. Так вот, наш старшина-курсант взял себе шапку последним в роте.

День, в который я получил шапку, запомнился мне навеки несколько по другой причине: впервые буквально в нескольких шагах от меня убивали человека. Мы лениво окапывались в каком-то садочке в полукилометре от передовой, а метрах в десяти от нас стоял новый комбат, капитан, и еще не-сколько человек. Пришел старшина с шестью шапками, одна досталась мне. В это время другой старшина, из штаба батальона приводит какого-то кур-санта, и комбат начинает на него кричать. Потом вдруг слышим громкий крик: «Ой, товарищ капитан, не стреляйте!». И видим: капитан два раза стреляет из пистолета тому прямо в грудь, а потом приведший его старшина снимает с плеча автомат и добивает уже лежащего короткой очередью.

Потом мы узнали: это был дезертир. Он ушел с передовой дней десять назад и за это время не смог уйти в тыл, везде натываясь на заградотряды. Его где-то увидел старшина и привел к комбату. Он был наш, кубанский.

Однажды и нам довелось иметь дело с заградотрядом. Мин не было, делать нам было нечего, и старшина попросил нас накопать для роты картошки. Мы отправились на это боевое задание вшестером, с подводой, проехали полтора километра, нашли картофельное поле и принялись за работу, ругая ездового: у него была нормальная человеческая лопата, а у нас наши пехотные, и приходилось копать, стоя на коленях. Накопали три мешка, начали четвертый, и видим: приближаются к нам трое в белых полушубках. Подходят к нам вплотную, лейтенант и двое рядовых с автоматами, направленными на нас, что нам сразу не понравилось.

Хайдаров на требование лейтенанта показал ему свою красноармейскую книжку, но тот потребовал еще какую-то бумагу, теперь уже не помню, какую, увольнительную, открепительную, объяснительную. У Хайдарова ее не было, и лейтенант начал кричать на нас, что дезертиры, что он нас отведет сейчас куда следует, и хорошо, если нас отправят в штрафбат, а могут и к стенке. Хайдаров, уловив момент, когда тот остановился, чтобы передохнуть, объясняет ему, что он получил приказ от вышестоящего командира и обязан его выполнить, и что на передовой мы получаем много разных приказов, но никому и в голову не приходит требовать от вышестоящих каких-то бумажек. Что же, из-за этого не нужно выполнять приказы? То есть, вполне разумное объяснение.

Убедило это лейтенанта или он и сам понял, что никакие мы не дезертиры, но он перестал кричать, а мы продолжили свое дело. Заполнили четыре мешка для роты и полмешочка для себя, Хайдаров, подойдя к лейтенанту, подчеркнуто лихо откозырял и сказал: «Товарищ лейтенант, разрешите следовать в часть». Тот только махнул рукой, и

мы двинулись, а они, «в белых одеждах» отправились дальше ловить других.

Не обошлось без приключений и с кинжалом. На следующий день после того, как он стал моим, к нам на позицию пришел замполит и, увидев кинжал, сказал: «А ну, дай посмотреть». Я снял его с пояса и дал замполиту, а он сразу прицепил себе, немного походил туда-сюда, видимо, отрабатывая джигитс-кую походку, повернулся и... пошел. Я за ним: «Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант!», но он прикрикнул: «Прекратить разговоры!», и я остался ни с чем. Дня через три он снова пришел к нам, и как-то боком, не глядя на меня, сунул кинжал мне в руки и сказал: «На, тоже мне еще!», вроде с упреком. Его слова быстро объяснились. Оказывается, Хайдаров, парторг батальона (я только теперь это узнал), рассказал об этой истории комиссару батальона, тот вызвал нашего замполита, снял с него стружку и приказал немедленно вернуть кинжал. А тот, естественно, считал, что пожаловался я.

«У войны не женское лицо». Это, конечно, справедливо. Но женщины в Красной Армии были, и на фронте тоже. Я считаю, что пребывание женщины на фронте в любом качестве — это уже подвиг, но когда я читаю в каких-нибудь фронтовых воспоминаниях, что санитарка Люся Иванова вынесла из боя тридцать раненных красноармейцев с оружием, меня охватывает гнев и возмущение. Ни одна женщина физически не может вынести откуда бы то ни было взрослого мужчину. Нам приходилось выносить раненных из боя и после боя, мы делали это вчетвером, на шинели или плащ-палатке. Можно было сделать это и вдвоем, если бы у нас были носилки. Носилок у нас не было. Я однажды тащил раненного волоком по земле метров двадцать, начи-сто выбился из сил и, пристроив его в небольшом углублении, вернулся к своему любимому миномету. Считаю, что в нашей роте вынести человека в одиночку мог только Григорян, человек сложения богатырского.

У нас в батальоне было три женщины. Все они были медицинскими работниками и постоянно находились в батальонном медпункте, куда или приходили сами, или приводились, приносились раненные, которым там и оказывалась первая помощь.

Первая была батальонным врачом, женщина уже пожилая на мой семнадцатилетний взгляд. Пребывание ее в батальоне закончилось трагикомической историей. Мы привели раненного и видим во дворе, где находится медпункт, такую картину. Врач стоит навтыжку, а командир дивизии, комб-риг, размахивая перед самым ее носом пистолетом, кричит:

— Я тебя сейчас, сука, расстреляю, мать, мать, мать...

— Так, товарищ комбриг, ведь «мандавошки»...

— Сама ты «мандавошка», мать, мать... Полбатальона вывела из строя, сука, мать, мать...

А дело произошло такое. У одного курсанта были обнаружены лобковые вши, по-солдатски «мандавошки». Это считалось очень опасным, врач раз-дала старшинам по банке мази и приказа обработать всех курсантов без исключения. А дальше уже каждый старшина действовал по своему разумению. Наш, например, пришел к нам на позицию и спросил, есть ли у кого эти самые лобковые. Мы ответили, что таковых не имеется, а если нужны обыкновенные нашенские, то мы двумя расчетами можем обеспечить количественно пару дивизий, что вполне соответствовало истине. Он повернулся и ушел со своей банкой. Не знаю, как было в пулеметной роте, а в стрелковых ротах старшины действовали просто: построят человек десять, прикажут опустить брюки и кальсоны, и собственноручно мажут от души, кому как придется. А мазило это злое и ядовитое, у многих появились язвы, а у некоторых так разъело, что, извиняюсь, главное мужское достоинство, болталось как на какой-то красной веревочке. И когда появилась необходимость перебросить стрелковые роты на другое место, обнаружилось, что сделать это невозможно: многие курсанты ходили враскорячку, а некоторые вообще ходить не могли. Вот такая, и смешная, и грустная история. Комдив ее, конечно, не расстрелял, ее отправили куда-то, а на ее место прибыл врач-мужчина, тоже пожилой.

Вторая имела звание «санинструктор» и носила в петлицах четыре треугольника. Была она немолода, под тридцать, сложением низенькая и толстая. А особенно на фронте, в обмотках, ватных брюках и ватной телогрейке она и на женщину не была похожа. Постоянное место ее было в медпункте, но она бывала и у нас на передовой, и однажды приползла через мокрую пахоту вся в грязи с головы до ног. Спрашивала, что кого беспокоит, кому-то давала таблетки, а мне, когда у меня загноился большой палец правой ноги и стало трудно ходить, она прямо в окопе намазала его вонючей мазью, перевязала и велела через два дня прийти на медпункт. Медичкой она была умелой и опытной, с ранеными обращалась заботливо и ласково, и в батальоне пользовалась полным и безоговорочным уважением. Но и она в атаки с нами не бегала и раненных из боя не выносила.

Третья была самой младшей по чину, рядовой санитаркой, но выглядела по меньшей мере артисткой: высокая эффектная блондинка с тонкой талией и высокой грудью. На фронте я ее ни разу не видел, хотя она тоже постоянно была на медпункте, но в Маджалисе она щеголяла в новенькой гимнастерке, коротенькой юбочке из синего комсоставского сукна и в изящных сапожках на стройных ногах, что совсем не соответствовало ее статусу рядовой сани-тарки. Поговаривали, что она была ППЖ комбата. Точно я этого не знаю, но уже по грязи она бы не поползла.

После Нарта мы еще несколько раз принимали участие в таких же ночных атаках и всегда с таким же успехом, то есть без всякого успеха. Только однажды нам удалось значительно продвинуться вперед.

Нас, как обычно, подняли ночью, и мы пошли на немецкие позиции. Встречный огонь был слабый, и стрелки продвигались, по-моему, без потерь, тоже отвечая огнем. Продвигались и мы, с остановками: выпустим три-четыре мины и вперед. Мы уже приспособились вести огонь в темноте, без установки прице-ла, наводя приближенно и по направлению, и по дальности. Стрелковый ротный хвалил нас, говоря, что наши мины рвались именно там, откуда стреляли немцы.

Метров за пятьдесят до предполагаемой немецкой позиции ротный ко-мандует: «Вперед, за Родину, за Сталина!» Рота бросается вперед, готовая переколоть всех немцев. «Пуля дура, штык молодец», но колоть некого, нем-цы уже ушли. Идем дальше.

Идем уже довольно долго, и начали испытывать беспокойство. Конечно, хорошо, что идем «вперед, на запад», но ни слева, ни справа не слышно стрельбы, и что это значит? Выходит, наша рота в одиночку гонит немцев?

Наконец, ротный дает приказ окапываться. Мы прошли километра пол-тора, много это или мало? Не знаю, как этот наш успех был отражен в воен-ных сводках, но только на следующую ночь мы отошли назад и закрепились на брошенной немцами позиции. Немецкую позицию мы видели в первый раз и, естественно, это вызвало у нас большое любопытство. Чего только там не было: стреляные гильзы, длинные немецкие гранаты с деревянной ручкой, пачки из-под сигарет, консервные банки, разные бумажки и тряпки и, что меня особенно заинтересовало, обрывки немецких газет. Я подобрал два крупных, в пол-листа и попытался их почитать. К большому моему удивлению, я понимал почти все. Конечно, попадалось много незнакомых слов, но общий смысл я понимал полностью.

Стрелки приспособивали немецкие окопы для себя, а нас выпроводили назад, где мы и должны были окапываться. Я отобрал еще несколько кусков газет, чтобы там по безделью основательно вникнуть в их содержание, но Хайдаров, увидев эти мои действия, подошел ко мне.

— Ты что, знаешь немецкий?

— Знаю, не знаю, но в школе имел отличные оценки, а в десятом классе, уже во время войны, мы изучали на немецком исключительно военную те-матику и военную терминологию. Вот посижу со словарем и все разберу.

— У тебя, что, и словарь есть?

— Есть.

— Брось сейчас же газеты, и словарь при случае выбрось. Ты знаешь, чем это тебе может обернуться?

Мне очень хотелось как следует почитать немецкие газеты, но совет парторга Хайдарова я выполнил. Частично. Словарь не выбросил.

Вот так мы однажды все-таки выполнили «Вперед, на Запад!». Туда и обратно. Другие и этого не смогли.

4. Лист фанеры

Дней десять назад я едва не похоронил Витьку Чекова.

Под утро нас привели в небольшую лощинку и приказали занять боевую позицию, указав направление на противника. Место было хорошее, мы были защищены от пулеметного огня и, поднявшись всего метров на десять могли видеть те места, куда скорее всего вести огонь, то есть Хайдаров имел воз-можность видеть разрывы наших мин и по необходимости корректировать огонь, подавая команды голосом.

Мы с Григоряном быстренько устанавливаем миномет и принимаемся за окопы для себя. Тут дело идет хуже: после слоя чернозема сантиметров в 30, начинается крупный гравий, плохо поддающийся нашим малым лопаткам.

Уже светло, мы продолжаем вяло действовать лопатками; как вдруг со-вершенно неожиданно начинают густо рваться мины, и мы видим бегущих к нам бойцов, а Витька из них первый. Я вскакиваю, машу руками, кричу: «Витька, Витька, сюда, сюда!», хотя, если разобраться, то куда «сюда»? Я вырыл небольшую ямку, при очередном свисте близкой мины, я прячу туда только голову и плечи, оставляя зад и ноги на произвол свистящим осколкам.

Витька тоже уже увидел меня, махнул рукой, остается метров пятнадцать, близкий разрыв мины, и Витька падает. Плохо падает. Я подбегаю к нему, он лежит вполборота на правом боку, уткнувшись лицом в траву, и неподви-жен. Я действую лихорадочно, быстро, и поэтому у меня все получается. Снимаю с левого плеча выюки миномета и вижу: на шинели, на четверть выше ремня и на том месте, которое с равным правом может быть названо и спиной, и боком, огромную, в полладони дыру, с черными обгорелыми ды-мящимися краями. Ого!

Поворачиваю Витьку на правый бок, вижу его лицо. Глаза закрыты, губы сжаты, белый как мел, ни кровинки. Но стонет. Значит, жив! Раздеть бойца на фронте зимой — дело нелегкое. Закидываю лямки противогаза за голову, вытаскиваю из-за ремня гранату, расстегиваю и откладываю его с лопаткой в сторону. С шинелью совсем плохо: пальцы замерзли, руки дро-жат, проклятые крючки никак не поддаются. Наконец, все-таки

расстегиваю шинель, снимаю с Витьки ее левый рукав и вижу на гимнастерке тоже чер-ную дыру, гораздо меньшую.

Задираю гимнастерку и смотрю на нижнюю рубаху, которую никак нельзя назвать белой, ибо мы купались три месяца назад, а сменного белья нам так и не выдали. На рубахе вижу только большое черное пятно, но дыры как будто нет. Я осторожно прикасаюсь к этому пятну, материал под пальцами рассыпается, а Витька вздрагивает.

Вытаскиваю из-под тугого брючного ремня рубаху, и что я вижу? Синяк!

Огромный черно-сине-багровый синяк! И все! Крови нет! Подает, наконец, голос и Витька. Поворачивает голову.

— Здорово там меня, а, Юр? — дрожащим голосом спрашивает он.

— Здорово, — отвечаю я, стараясь вложить в голос максимум ехидства, — очень здорово! Вставай, симулянт! Нет там ничего! Синяк!

— Как синяк!

— Очень просто, синяк и все. Крови нет. Не веришь, убедись сам.

Он, еще не совсем доверяя моим словам, нерешительно протягивает руку, осторожно прикасается к синяку, морщится, внимательно рассматривает руку, потом проделывает всю процедуру еще раз.

— Что, — спрашиваю, — помочь одеться или ты сам? А с дырой как? Заши-вать придется. От полы отрежешь или будешь ждать, когда убьют кого?

Он оставил мои ехидства без ответа, а теперь, пожалуйста, и ходит, и бегаёт как миленький.

А сейчас мы с Витькой Чековым лежим на сырой осенней траве и смотрим в небо. По небу тяжело плывут темные, мрачные облака.

— А погодка-то сегодня мировая, — говорит Витька.

— Угу, — соглашаюсь я.

По нашим теперешним оценкам, хорошая погода, это, когда не будет дождя, но нас и не будет донимать немецкая авиация.

— Слушай, — приподнимается Витька на локте, — а зачем нас сюда притащили? Вопрос интересный. Я сам уже об этом попытался поразмышлять, но

ничего не придумал. Нас сняли с передовой в полночь, часа полтора водили по всяким разным местам, и вот мы, два минометных расчета под командованием Хайдарова здесь. И больше никого.

— А ты спроси у Хайдарова, — предлагает Витька.

Мы уже больше месяца на фронте, и наш расчет все время в подчинении у Хайдарова, поэтому Витька считает, что у меня больше прав обращаться к тому.

— Не положено по субординации, — отвечаю, — сначала надо обратиться к командиру

расчета.

Дикин сидит в нескольких шагах от меня на деревянном ящике с минами и на мой вопрос не реагирует, считая, видимо, такой вопрос идиотским, что вполне справедливо. Да и сидение на ящике не способствует его благодушию. Эти ящики — наш тяжкий крест и несчастье. Когда мы только прибыли на фронт, начальство строжайше контролировало расходование мин и нещадно ругало нас за ненужную, по их мнению, стрельбу.

Сейчас положение другое. Мин у нас сколько хочешь, и в бой мы идем с таким запасом мин, который сможем нести на себе. Но стандартных лотков по десять мин в каждом, у нас в расчете только два, у Григоряна и Михаила. А Дикин и Аванесов идут в наступление с ящиками, в каждом из которых тоже по десять мин. Вот и представьте себе, что значит идти в цепи с ящиком на плече, приходится и ползком, и короткими перебежками, и окапываться, старясь в первую очередь врыть в землю этот проклятый ящик, от греха подальше. Вот такой интересный вопрос: если наша промышленность сумела наладить выпуск мин по принципу «сколько хочешь», то неужели нельзя было решить вопрос и с лотками? Скорее всего, о людях в то время никто не думал.

Хайдаров ответил коротко: «Ждем приказа».

Ждать, это понятно, но что делать — непонятно. То ли мы далеко от передовой, то ли на передовой, а если так, то с какой стороны от нас противник. Подготовить бы позицию, не мудрствуя лукаво, просто на запад, но у нас нет компаса, а из нашей небольшой лощины вообще никуда и ничего не видно. Выйти на пригорок и осмотреться Хайдаров не разрешает — такой приказ.

Где-то в середине дня по этой же лощине к нам приближается какой-то отряд. Мы быстро определили, что это наши, и они направляются к нам.

— Господи, Рыжий! — восклицает Витька.

Действительно, Рыжий. Это — лейтенант и командир второй стрелковой роты нашего

батальона, той самой роты, с которой мы чаще всего бегаем по ночам в эти дурные атаки.

Значит, наступаем.

Рыжий действует быстро. Расставляет посты и наблюдателей (теперь мы знаем, с какой стороны немцы) и сообщает Хайдарову, что наши два расчета приданы его роте. Тут же отдает распоряжение без его приказа огонь не открывать. Мы скептически ухмыляемся, он всегда отдает такие распоряжения, но я ни разу не слышал, чтобы он нам в бою отдавал какие-нибудь приказы. Что делает солдат, когда ничего не делает? Ясно — спит.

Мы с Витькой быстренько организуем небольшую ямочку на двоих и тесно укладываемся в нее, завернувшись в шинели. Но заснуть нам не удается. Чуть правее от нас, совсем недалеко разгорелась стрельба, сначала только из стрелкового оружия, потом заухали минометы. И все жарче, и жарче.

Видим зеленую ракету. Нам? Нам. Громкие команды Рыжего, наша цепь выходит на пригорок и движется в сторону немцев. Вот теперь нам все видно. Мы идем по полю с небольшим уклоном, дальше примерно через один кило-метр полоска кустарника, видимо, какой-то ручеек, а потом такой же подъем и поле, заросшее кукурузой. Что происходит справа, нам не видно, кроме дымков от разрывов мин да звуков жестокой стрельбы.

Идем по пахоте, идти трудно. Метров через триста пересекаем брошенную стрелковую позицию, явно немецкую: окопы полного профиля, откосы защищены плетеными из хвороста матами, хорошо оборудованные стрелковые ячейки и пулеметные гнезда, крытые блиндажи. У нас такого не делают. Воронки, воронки, разрушения — видно, здесь были бои нешуточные. Перепрыгиваю через траншею, вижу полузасыпанный лист фанеры.

Вот бы здесь приказ закрепиться! Но идем дальше. Пахота заканчивается, начинается поле необранной кукурузы. Идти легче.

Немцы пока никак себя не обнаруживают. Может, их здесь и совсем нет? У немцев на этом участке не было сплошной обороны, но было размещено много пулеметных гнезд, хорошо оборудованных и замаскированных. И имен-но эти пулеметы доставляли нам главные беды.

Мы уже прошли метров семьсот, но немцы молчат. Неужели дойдем до ручья? Нет, не дойдем. Из кукурузы за ручьем с правой стороны протягивает-ся длинная цепочка разноцветных огоньков. Высоко. Следующая — ниже. Ко-манда: «Бегом, марш!» Это к нам не относится, мы с минометами и ящиками не бегаем. Стрелкам много бежать тоже не пришлось. Огонь ведут уже три пулемета, и разноцветные смертельные светлячки так и носятся среди кукурузы. Вот упал один стрелок, вот — второй, вот — третий. «Ложись, окопаться!»

Подтягиваемся поближе к стрелкам, сбрасываем с плеч весь груз и лихорадочно работаем лопатками. Когда мы залегли, немцам нас, конечно, не видно, но они хорошо пристреляли местность, и рои пуль густо летят один за другим.

Наконец я врлся в землю, теперь можно перевести дух и осмотреться. Григорян к тому времени уже устроил себе приличный окоп, соорудил не-большое гнездо для миномета и затащил его туда. Минометы мы бережем. Как-то замполит заявил нам, что если у кого миномет выйдет из строя, весь расчет будет отправлен в стрелковую роту, чего нам, естественно, не хочется.

Пора приниматься за работу. Мы считаем себя уже опытными миномет-чиками. Как только вражеский пулемет открывает огонь, мы стараемся опре-делить, где же он находится. И первый немецкий пулемет более-менее вычис-ли. Хотя это случай для нас трудный. Если пулемет стреляет нам прямо в лоб, мы можем для себя точно определить направление, но трудно определить расстояние. Если же пулемет ведет огонь параллельно фронту, то легко опре-делить расстояние, но трудно направление, так как невозможно понять, где пули вылетают из кукурузы.

А если огонь ведется наискось, как сейчас, то трудно и то, и другое. Но соображаем. Еще когда первый пулемет только открыл огонь, я уже заметил кое-какие ориентиры. А сейчас у нас короткое совещание с Дикиным, и на-чинаем. Для корректировки Дикину

Автор: Юрий Кравцов
06.07.2010 02:57 -

нужно при каждом выстреле вставать во весь рост и наблюдать за разрывами мин. Нехорошо, но другого варианта нет. После трех таких вставаний он с облегчением командует: «Беглый, до конца лотка!» и укладывается в свой окоп. Нащупали мы пулемет или нет, мы не знаем, но жизнь, конечно, мы ему подпортили. Другой расчет точно так же пытался нащупать другой пулемет и с таким же результатом.

Понемногу интенсивность пулеметного огня снижается. Немецкие пулеметчики продолжают огонь очень длинными очередями, но теперь удлиняются интервалы между очередями, и мы начинаем осваиваться на новой позиции более основательно.

Все роют, все копают. Мы с Григорьяном опускаем миномет глубже, ус-танавливаем палочки для наводки, и дальше каждый начинает обустроить свое жилище, чтобы оно как-то защищало и чтобы спать было возможно.

Темнеет, и начинает накрапывать дождик. Нам недавно выдали плащ-палатки, одну на расчет, и носим мы ее по очереди. Сегодня не моя очередь.

Дождик хотя и небольшой, но довольно противный. И вдруг у меня прямо-таки молнией промелькнула мысль: ведь у меня же есть лист фанеры. Дей-ствую немедленно: два слова Дикину, и я отправляюсь за фанерой. Вырезал своим замечательным кинжалом дыру в углу листа, привязал обмоткой (об-мотка — вещь универсальная) и волоком назад. На обратном пути пришлось два раза лечь, те самые светящиеся рои летели прямо в меня, но обошлось.

Накрывая окопчик фанерой с небольшим уклоном, подгребаю землю по торцам. Для полного комфорта нарубил кинжалом две охапки кукурузных стеб-лей с листьями: мне и Григорьяну. Почти всегда большую часть физической работы по установке миномета делает Григорьян, и я стараюсь каким-то обра-зом это компенсировать: то охапку соломы поднесу, то вот как сейчас, стебель-ков кукурузных подброшу. С Григорьяном у нас полное взаимопонимание.

Мой окоп вполне устроен, но через полчаса я понимаю, что нужного комфорта нет. Я не могу вытянуть ноги, он слишком короткий, и не могу повернуться на бок — некуда колени девать. Дождик продолжается, но я ре-шаю кое-что доделать. Снимаю фанеру, кладу

ее в сторону и расширяю в нужном месте свой окопчик.

Вот все готово. Ищу фанеру — нет фанеры. Прохожу дальше, вглядываясь в темноте. Вот светлое пятно — моя фанера. Я поднимаю лист за угол и вдруг слышу: «Отставить!» Замполит. Откуда он взялся? Когда мы наступали, его не было. Я попытался возразить, но: «Прекратить разговоры! Кругом, марш!» Я чуть не заплакал, но приказ выполнил: повернулся кругом и зашагал. Иду, страшно огорченный такой великой несправедливостью, но, слегка успокоившись, соображаю: когда я шарил по разбитой немецкой позиции, там попа-дались разные деревяшки. Может быть, найдутся и пригодные для моих фор-тификационных работ?

И я нашел дверь, настоящую дверь из толстых досок, и даже с железной ручкой, за которую я снова привязал обмотку и дотащил ее до своего окопа.

Теперь уж я устроился солидно: укрытие не только от дождя, но даже, пожалуй, и от осколочной мины невеликого калибра.

Я сплю и вижу сон. Этот сон я вижу уже в третий или четвертый раз. Несколько дней назад нас, пять человек, взяли с передовой для разгрузки снарядов на одну артиллерийскую позицию, мы пробыли там две ночи и один день, и артиллеристы кормили нас пшенной кашей, зажаренной луком и кусочками свиного сала. Такой восхитительно вкусной еды я не пробовал уже много дней, и она, видимо, где-то, по Фрейду, засела у меня в подсознании. И еще. В седьмом-восьмом классе мы были очень дружны с одной девочкой-одноклассницей. Ее звали Оля, и моя мама говорила о ней: «Смотри, татарочка, а какая симпатичная!» Ничего такого у нас с ней не было, мы даже не поцеловались ни разу, но вся школа знала о нас, и частенько можно было слышать от кого-нибудь: «Гляди, вон твоя симпатия идет!»

И вот сон: Оля протягивает мне котелок, полный ароматной, дымящейся «артиллерийской» каши, и так жалостливо на меня смотрит.

Утром главная мысль — долго ли мы здесь будем находиться? Ведь у нас как: приказ — продвинуться на сто метров вперед и закрепиться! Значит, прощай, мое великолепное удобное сооружение. И какой, интересно, прок от этих самых ста метров? А такое уже

бывало, и вперед, и назад.

Утро светлое, облака высоко, и немецкие самолеты, конечно же, появятся. Хотя положение с авиацией теперь здесь совершенно иное, чем раньше. После 19 ноября, когда началось наступление Красной Армии под Сталинградом, много авиации немцы направили отсюда под Сталинград, и здесь полностью исчезли немецкие бомбардировщики, мы больше не видим Юнкерсов. Мессершмитты по-прежнему крепко хулиганят каждый день, но это уже совсем другой коленкор по сравнению со Штуками, или, как мы их называли «лаптежниками» из-за неубирающегося шасси. Стала действовать наша авиация, но ее действия, кроме как бестолковыми и даже позорными, назвать нельзя. Немецкие мессершмитты-109 сбивают наши самолеты пачками и кучками, сами почти не имея потерь. Кстати, именно здесь начинал свою боевую деятельность самый знаменитый, как считают многие, летчик-истребитель Второй Мировой войны Эрих Хартман, который сбил за время войны 352 самолета, почти все советские. Здесь, под Орджоникидзе, он сбил свой первый ИЛ-2. Было это в начале ноября, так что я мог видеть это своими собственными глазами.

У нашей авиации я здесь что-то не видел успехов. Приведу один пример, наиболее запомнившийся. Несколько дней назад нам снова объявили, уже который раз, приказ о наступлении на Ардон с поддержкой артиллерией и авиацией. Видим, пошли наши самолеты бомбить Ардон, главный опорный пункт немцев в этом районе: тринадцать ИЛ-2 в сопровождении десяти истребителей, МИГов или ЯКов, мы их тогда плохо различали, видели только, что это не И-16 (ишаки). И вот появляется одна пара мессершмиттов, потом вторая, третья. Началась какая-то бойня, которую шесть немецких истребителей устроили такой армаде наших, строй которых сразу рассыпался, штурмовики сбрасывали бомбы куда попало и поворачивали назад, из истребителей только один или два пытались что-то сделать, а все остальные бесовски драпали низко над землей. Только подымались там и там дымные факелы. В этом бою немцы сббили 8 или 9 наших самолетов, не потеряв ни одного. Мы просто бесились внизу, видя эту картину, что вы, дескать, «сталинские соколы», туды вашу, растуды? Ведь все мы были воспитаны на восхищении нашими летчиками, нашей авиацией, нашими рекордами, Чкалов, Байдуков, Беляков и так далее. А тут такое! Интересно, есть ли в нашей военной истории хоть какая-нибудь статистика о том, сколько военных самолетов было сбито в этой войне наших, а сколько немецких. Только конечно, не по сводкам Советского Информбюро, ибо по этим сводкам наши «сталинские соколы» уничтожили самолетов самое малое раз в двадцать больше, чем их вообще изготовила немецкая промышленность.

А тогда мы наших летчиков просто презирали. Неужели везде было такое?

Совсем другое отношение у нас было к «кукурузникам» У-2, или, как их стали называть в войну ПО-2. Каждый день, чуть стемнеет, слышим: у-у-у, у-у-у. Это они, наши «кукурузники», пошли на немецкую сторону. Немцы почти все находились в населенных пунктах, и вот наши самолетики там их и доставали. Конечно, существенного вреда они причинить немцам не могли, сбрасывая руками мелкие бомбы или по слухам, даже ручные гранаты, или нашенские мины. Но представьте самочувствие немца, когда он хочет спать, а над ним всю ночь висит какое-то тряпочно-фанерное сооружение и бросает вниз какие-то штучки, которые, между прочим, взрываются. И вот мечутся по небу лучи прожекторов, а когда они засекут серебристую точку, то с земли поднимается в небо множество разноцветных огненных трас. А мы за них искренне переживаем. К нашей радости, ни один «кукурузник» на наших глазах сбит не был. Как-то раз один из них после вот такого обстрела резко снизился и, приближаясь к передовой с каким-то странным звуком, все-таки дотянул до своей территории и сел метрах в четырехстах прямо за нами. Мы потом бегали смотреть на него и удивлялись, как это самолет с таким количеством дыр во всех своих частях еще может лететь. Летчиков мы не видели, а то бы узнали, что это был женский полк, тот самый, который стал потом таким знаменитым.

Одним словом, девки — орлы, хотя я и не уверен, что так можно говорить по правилам грамматики.

Существует Бог, или нет, но ему спасибо. Мы пробыли на этой позиции целых четыре дня, во время которых никаких особенных событий не произошло. Была взаимная стрельба из пулеметов, и один раз немцы устроили нам такой минометный сабантуй, что всю кукурузу посекали подчистую, прямо как после уборки. Мы тоже в долгу не оставались, мин не жалели, но устроить им такую же «уборку» мощностей у нас не хватало.

Замполит на второй день ушел с нашей позиции, и я великодушно вручил фанерный лист Григоряну. Никто, зная мои великие труды по фанерной части, не возражал.

5. Прорыв

10 декабря весь наш батальон, впервые после первых атак из Нарта, был собран вместе, в километре от передовой. Все бросились искать знакомых, друзей. Ведь с многими мы уже давно не виделись, не имели о них никаких вестей и не знали, жив ли, нет ли. Слышу громкий хохот, подхожу, вижу: Вить-ка Чеков и Витька Каретников стоят друг перед другом без шапок и дико хохочут. Подхожу ближе, они и меня заставляют снять шапку, и я тоже вклю-чаюсь в их почти истерическую потеху. Нас остригли в первых числах сентяб-ря, почти три с половиной месяца назад, волосы отросли, и невымытые, нечеса-ные, свалявшиеся под не снимаемой шапкой, превратились в настоящий вой-лок, хоть прямо на месте срезай и делай из него валенки.

Вид очень непрезентабельный, просто дикий.

Поредевший батальон построили. Осталось нас, пожалуй, только поло-вина, не больше. Это еще при том, что командование нас приберегало, в откровенные мясорубки не бросало. Мы же кадры, и Иосиф Виссарионович сказал: «Кадры решают все».

Комбат произнес речь, в которой сообщил, что завтра или послезавтра будет оглашен приказ о присвоении нам званий, причем изменен порядок присвоения. Раньше нам было известно, что помкомвзводам, командирам расчетов и отличникам боевой и политической подготовки будет присваи-ваться звание сержанта, а остальным — младшего сержанта. Теперь же, с уче-том полученного боевого опыта, все станут сержантами.

Нам, минометчикам, также было сказано, что 50-миллиметровые мино-меты с вооружения снимаются, будут только 82 мм. Это тоже к радости — не придется бегать в атаки вместе с пехотой. Еще новость, у нас в роте появился новый замкомроты, невысокий чернявый лейтенант.

Человек предполагает, а Бог располагает, и нашей радости не сужено было продолжаться долго. Уже стемнело, когда батальон построили снова, и комбат сообщил нам другие новости. Один из стрелковых батальонов нашей дивизии выбил немцев из крупной колхозной фермы по направлению к аулу Кадгорон, закрепился там и должен

был развивать успех, но немцы отрезали его от основных сил. Резервов у дивизии вблизи нет, и наш батальон получил приказ про-рвать немецкую линию (она не должна быть крепкой), соединиться с окружен-ным батальоном и удерживать ферму, пока не подойдут подкрепления.

Построились, пошли. Через полчаса дошли до жиденькой цепочки крас-ноармейцев, окопавшихся в кукурузе. Развернулись всем батальоном, дви-нулись в сторону, где недалеко взлетали осветительные ракеты. Идем, никто нас не трогает. Уже вроде совсем близко просматриваются темные контуры приземистых зданий, наверняка, эта самая ферма. Неужели произошла какая-то ошибка, и нам ничего не придется прорывать, а просто благополучно доберемся до этого якобы окруженного батальона.

Прорывать пришлось. Где-то на левом фланге раздалось несколько взры-вов, скорее всего, ручных гранат, не знаю, чьих. И сразу — стрельба, да такая густая, что весь батальон лег. Навстречу летело столько трассирующих, что, казалось, не должно было остаться на этом поле ничего живого. А мы лежали в этой свинцовой метели и соображали, что же можно сделать. Мы было наладили свой миномет, но нас смущало, что пули летели откуда-то сверху, а что это означало, понять не могли. Нашлись люди, которые поняли. Совсем близко слева загрохотал пулемет (мы сразу определили «максим»), затем второй, третий. Уже полтора месяца мы на фронте, действовали все время со стрелковыми ротами, а с пулеметной еще ни разу не приходилось.

Пришлось. Пулемет «максим», конечно же, оружие устаревшее, неуклю-жее и неудобное, но при умении может быть еще каким грозным. Я объясняю сразу, что вообще такого полного окружения того батальона не было, но группы немецких автоматчиков засели на чердаках зданий фермы, таких длинных кир-пичных коровников или свинарников, не знаю. Они-то и беспокоили постоянно окруженных бойцов, да и нас встретили таким дружным убийственным огнем.

А «максимы» их сразу образумили. Огонь этих автоматчиков стал сла-беть, а потом и совсем прекратился. Раздавались еще редкие короткие очере-ди уже снизу (видно, автоматчики убрались с чердаков), но мы уже двину-лись быстрым шагом вперед.

Вот и коровники. Стрелки бегут впереди, раздаются частые разрывы руч-ных гранат, это стрелки бросают их в ворота и оконные проемы на случай, если кто-нибудь еще там остался. Мы быстро проходим мимо здания, двигаемся дальше. Уже начинает светать, а

мы толком не знаем, что же нам делать дальше.

И вот тут, за коровниками, нас встретила уже настоящая немецкая оборона и встретила таким пулеметным огнем, что те автоматчики показались нам детской забавой. Бежим вперед, и вот — окоп. Настоящий окоп, круглый, глубокий на средний человеческий рост, и ... пустой. Мы все впятером впрыги-ваем в него, но, ясное дело, в нем помещаются только наши ноги, а тела размещаются этакой звездочкой, прижатые к земле. Сбрасываем миномет, лотки, ящики и — за лопатки. Тут обнаруживается еще одна напасть, с фланга бьет длинными очередями немецкий пулемет прямо вдоль линии наших окопов. К нам подбегает один курсант-стрелок: «Ребята, у вас тут негде пристроиться?» И тут длинная очередь, и он, уже мертвый свалился нам на головы. Мы откатали его, беднягу, за бруствер и продолжаем работать лопатами.

Нельзя сказать, что нам не повезло. Во-первых, нам попался пустой окоп, во-вторых, недалеко, метрах в пяти от нас в сторону немцев находится большая воронка, видимо, от авиабомбы, а поперек воронки лежит поваленный огромный тополь, и его ствол, сантиметров сорок в диаметре, защищает нас от огня немецких пулеметов. Пули чуть ниже попадают в ствол тополя, а чуть выше, уже летят над нашими головами. И скатертью дорога.

Этот же, с фланга, не знаю, сколько бед он принес. А мы сжавшись, как селедки в бочке, просто ничего не можем сделать ни для ведения огня, ни просто что-нибудь для себя, для своего укрытия.

Но вот, наконец, мы малость осмотрелись, убедились, что с фронта нам ничего не угрожает, и Дикин начинает командовать. Для начала мы попытались связаться с соседями, если таковые окажутся. Справа метрах в пяти оказался такой же окоп, и в нем три курсанта-стрелка. Мы решили пробиваться окопчиками навстречу друг другу, чтобы было, во-первых, где спать, а во-вторых, если придется, то и оказать друг другу помощь. Слева ближайший окоп был далековато, и мы до него не докричались.

Решения были приняты, и через полчаса положение было таким: Аванесов со своим ящиком не без возражений с его стороны перебрался в ту воронку и активно приспособливал ее для житья-бытья, Михаил прорыл неглубокую траншею по направлению к стрелкам и забрался в нее, а Дикин отрыл нишу для своего ящика. В окопе стало попросторней, так что я стоял ногами на земле, да и Дикин, чуть

пригнувшись, уже был в безопасности. Только Григорян, хотя и принимал своим телом какие-то спиралевидные формы, никак при своем росте не мог полностью себя обезопасить.

Еще через полчаса мы установили миномет для стрельбы по этому вре-доносному пулемету. Я два раза подпрыгнул, чтобы над бруствером получше определить направление огня, воткнул в землю две щепочки, отколотые кинжалом от дикинского ящика, и все готово.

Григоряну было неудобно помогать мне при стрельбе, и мы открыли огонь вдвоем с Дикиным минами из григоряновского лотка. Нужно было стрелять быстро, чтобы не дать пулеметчикам переменить позицию, и мы выпустили десять мин за три минуты. Мы, конечно, не очень рассчитывали на результат, но, если пулеметчики были не в нормальном окопе, а просто лежали в кукурузе, то мы могли и уничтожить их, а если они в окопе, то, по меньшей мере, повредить пулемет.

А результат был — пулемет, этот или какой другой из этого же места больше не стрелял. Наш новый замкомроты через полчаса, подбежав к нам, спросил:

— Вы пулемет подавили?

— Мы.

— Представлю к награде.

И убежал, а нам было приятно. В таких случаях, когда толк был, а особенного героизма не было, награждали командира расчета и наводчика.

Мы были, можно сказать, в полной безопасности, несмотря на сильный огонь с немецкой стороны, и начали устраиваться посерьезнее. Дикин ото-звал Аванесова обратно в наш

окоп, хотя тот долго отнекивался и утверждал, что за ним охотится снайпер, чему мы все никак не поверили, зная, что храбр-рец из него невеликий. Наконец, он все-таки воссоединился с нами, оставив свой ящик в воронке, и мы все занялись земляными работами: Михаил доб-рался до встречного окопа со стороны стрелков и начал углубляться, Аване-сов устроил себе подходящую траншейку в другую сторону, Дикин превра-тил в окоп свою нишу из-под ящика, а мы с Григоряном устроили место для миномета, теперь уже для стрельбы в другом направлении.

Вот тут мне и приспичило. Дело в том, что у меня разладился желудок, нет, не во время атаки, а на день раньше, и, скорее всего, от этой сырой кукурузы. Но наступило дело, которое никак отложить нельзя. Я пополз к аванесовской воронке, в какую-то долю секунды перемахнул через тополь и попал, на дно. И в то же мгновение в древесину тополя щелкнула пуля. Смот-ри, действительно, снайпер. Я сделал, все, что надо, а результат, смешав с землей, лопаткой выбросил подальше. Теперь надо возвращаться, а охоты это делать что-то не было. Я решил по-другому, переставил ящик на другое место и начал подкапываться под дерево, чтобы не перелезть через него.

Дикин, видя, что я долго не возвращаюсь, забеспокоился и начал кричать, но я объяснил ему, чем я занят, и он это одобрил.

Я возвратился в свой родимый окоп в целости и сохранности, а туда в свою очередь перебрался Дикин, чтобы, по его словам, осмотреться и что-нибудь сообразить по части ведения огня. Но он сразу же сообразил, что и соображать-то нечего. Из окопа-воронки не высунешься, сильный огонь, да и о снайпере нужно помнить. Он нам все-таки какие-то команды выдал, и мы с Григоряном шесть мин выпустили. И решили — хватит.

Дикин вернулся, и мы устроили совещание. Положение в смысле безо-пасности у нас было отличное, никаких команд от начальства мы не получа-ли, значит, надо решать самим. Если мы здесь будем ночевать или даже зимо-вать, то в той воронке устроим ночной сменный пост, а здесь у нас уже достаточно лежачих мест. Жаль только, что нигде не видно сена-соломы.

А вообще мы не знали, выполнил наш батальон свою боевую задачу или нет. Если выполнил, то нас здесь должны быстренько сменить, и мы отпра-вимся за званиями. А если нет? И что от нас слева и справа? Мы не знали еще тогда, что судьба уже разделила нас, говоря словами Симонова, на живых и мертвых, и вторых будет,

пожалуй, много больше.

К нам спрыгнул Сагателов. Мы было обрадовались, надеясь на какие-нибудь новости, но он сам ничего не знал, в том числе и о том, долго ли нам тут находиться. Приказал зря огонь не открывать, только в случае немецкой контратаки. Неизвестно, когда нам смогут подбросить мин.

Он выпрыгнул из окопа, пробежал несколько шагов и вдруг, взмахнув руками, свалился на землю так, как падают только мертвые, мы это уже знали и видели много раз. Григорян мгновенно метнулся из окопа, схватил Сагателова на руки и спрыгнул с ним к нам. Живые, и тот, и другой. Расстегнули одежду, я вижу — маленькая такая дырочка чуть пониже левых ребер и ближе к краю, крови почти нет. Меня выпроводили на наш охранно-наблюдательно-туалетный пост, а Сагателова перевязали и уложили в одну из наших «спаль-ных» траншей. Там он и лежит. Григорян сказал, что кишки не повреждены.

Между тем, положение наше ухудшилось. Немцы прекратили огонь из стрелкового оружия, в дело вступила артиллерия, сначала, судя во разрывам, одна четырехорудийная батарея, потом такая же вторая. Бьют, бьют и бьют. Где же наша артиллерия или штурмовая авиация, которой в это время у нас было много? Где же те самые знаменитые ИЛы, о которых так много пишут наши фронтовые газеты, как они здорово действуют и как их боятся намцы.

Подбежал Мозговой, курсант из нашего взвода: «Ребята, можно к вам?» Говорит, что весь его расчет погиб от прямого попадания в большую воронку, которую их расчет приспособил под огневую позицию. А он был в другой воронке. Он не знал точно, весь ли расчет погиб, может и еще кто был в другом месте. Но миномет был точно разбит, и он решил присоединиться к нам. Ди-кин отправил его под тополь, и он взялся там энергично за лопату, потому что Аванесов был невысокий и круглый, а Мозговой длинный и худой.

Незадолго до наступления темноты наше положение стало хуже некуда: появились немецкие танки. Их было штук пять-шесть. Не знаю, что было бы, если бы они двинулись прямо на наши позиции, но они этого не сделали, а остановились метрах в ста пятидесяти от нас и добавили нам огня из своих орудий. В наших стрелковых ротах были бронебойщики с ПТР, но они поче-му-то не стреляли, оказалось, у них не было патронов,

да и сомнительно, что они смогли бы причинить танкам какой-либо вред.

Мы своим расчетом приготовили все свое противотанковое оружие -сделали земляную полочку, положили на нее свои две противотанковых гра-наты и вставили в них запалы. Бутылок у нас не было. У меня были винтовоч-вые бронебойно-зажигательные патроны с черно-красными головками, и я захотел пострелять ими по танкам, но Дикин живо меня утихомирил. А хоте-лось очень: за подбитый или подоженный танк давали орден Отечествен-ной войны, только недавно учрежденный.

Начало темнеть. Танки развернулись и ушли, ослабевать начал и артилле-рийский огонь, сначала замолчала одна батарея, а другая, хотя совсем и не прекратила огонь, но стреляла все реже и реже.

Надо сказать, что тому участку нашей обороны, где находился наш рас-чет, от артиллерийского огня досталось много меньше. Я не знаю, как и вкакой форме были расположены позиции двух наших батальонов, но мы были где-то в правой их части, а основные силы того, первого батальона находились гораздо левее, где виднелись какие-то постройки. Туда и доста-лась основная масса артиллерийских снарядов. Знали что-то немцы или это была простая случайность, сказать не могу.

Наступающая ночь потребовала некоторых решений по жилищному воп-росу: в нашем «укрепрайоне» появилось два новых жильца, а «жилплощадь» не увеличилась. Решили соединить наш главный окоп с тополиной воронкой, но с земляными работами решили повременить, пока артиллерийский огонь или совсем не прекратится, или перейдет в простой беспокоящий.

Вызвала немалую тревогу стрельба с той стороны, откуда мы пришли: неужели и нас отрезали? Вскоре это подтвердил наш замкомроты, явившийся к нам прямо в угнетенном настроении. Он сказал нам также, что остался единственным средним командиром. Я не понял, каким именно: на оба бата-льона или только на нашем участке, но спросить его об этом не решился.

Через полчаса он пришел к нам снова, видимо, обходя всю линию оборо-ны, и сказал, что будем прорываться обратно, иначе завтра за день немцы не оставят здесь ни одного

живого человека. Видно было, как трудно ему было говорить нам это, ведь все мы знали приказ № 227, а он прямо открыто искал нашего сочувствия, ведь мы были для него в некотором роде свои.

Конечно, мы ему сочувствовали, но стало ли ему от этого легче?

По окопам прошел замполит, отбирая от нас красноармейские книжки и комсомольские билеты. Кстати, комсомольские билеты он вручил всем нам, молодым, недели две назад, прямо на передовой, хотя никто никаких заявлений не писал и никто ни у кого ничего не спрашивал. Но когда уже дают, ведь не откажешься, могли запросто решить, что ты собираешься бежать к немцам.

У нас в расчете произошли некоторые изменения. Григорян и еще один курсант-армянин решили выводить или выносить (как придется) Сагателова, и вторым номером у меня стал Михаил. И, естественно, в расчет включился Мозговой. Хуже всего было Аванесову: у него в ящике оставалось четыре мины, а свободного лотка не было. В конце концов он всунул их в вещмешок.

Зеленая ракета, наш сигнал. Это впервые, до этого у нас никаких ракет не было. Выбрались из окопов (очень жаль было такой хорошей позиции) и двинулись. Уже через несколько минут где-то впереди завязалась жаркая перестрелка, видимо, наши стрелки уже столкнулись с немцами. И сразу — множество осветительных ракет, и сразу — снова артиллерийский огонь из многих орудий во всей ферме, и где мы были, и где уже нас не было. Где-то там, спереди, раздалось жидкое «Ура!» и сразу заглохло. В свете ракет видим, несколько танков с автоматчиками на броне идут туда, где стрельба. Решаем начать и мы.

Устанавливаем миномет прямо в воротах полуразрушенного коровника и принимаемся за работу. Дикин стоит, прижавшись к откосу ворот, а мы с Михаилом — мину за миной, мину за миной. По танкам. Танку мы сделать ничего не можем, но Дикин кричит: «Хорошо, хорошо!» Говорит, что наши мины рвутся удачно, немцы с танков так и посыпались горохом. А мы свои мины туда же, в кукурузу.

А снаряды рвутся все чаще и чаще, и многие достаются нашему коровнику. Вот

вскрикнул Мозговой, к нему добежал Аванесов, вернулся, собрал у нас все индивидуальные перевязочные пакеты, говорит, что у Мозгового прямо-таки разворотило все левое плечо. Даже, говорит, невозможно такое сделать осколком, может, целый снаряд попал, да не разорвался? Кто его знает, на войне все возможно.

У нас заканчиваются мины. А ружейно-пулеметная стрельба впереди как-то перемещается, видно, наши стрелки все-таки продвигаются куда-то. А мы — можем так и остаться здесь. Можем и навеки, так как огонь орудий и танков по нашим коровникам превратился в какой-то шквал, причем нам кажется, что вообще все снаряды достаются только нам.

Дикин говорит: «Выпускаем последние мины, и бегом к стрелкам». — А я? — жалобно вырывается у меня.

Им-то хорошо налегке, а с минометом не очень-то побегу. Был бы Григорян, он бы этот миномет одной рукой и с какой угодно скоростью на край света утащил, а я совсем не Григорян.

Дикин раздумывает несколько секунд: «Взорвем миномет!» Последние мины улетают туда, в прикрытое небольшим снежком куку-рузное поле, мы уже поднимаемся, но Дикин вдруг говорит мне: «А ну-ка, сбегай, посмотри, что там с Мозговым». Я бегу, а снаряды рвутся, пришлось два раза лечь. Добираюсь туда, где в углу коровника лежал Мозговой, а угла нет, весь он обрушился, и я только ощупал грудку битого кирпича.

А Мозговой был родом из того самого Ардона, на который мы все это время наступали, там жили его родители.

Я вскочил, чтобы бежать назад, к своим, и в это время прямо в воротах, где стоял наш миномет, разорвался снаряд. Думаю, спастись ни у кого из наших не было никаких шансов.

И тут меня охватил страх. Я уже немало был на войне, видел многое, видел смерть, но

как-то никакого страха не испытывал. Впрочем, психологи утверждают, что это нормально для детского возраста, значит, у меня была еще детская психология. А тут прямо какой-то ужас. Все-таки одному челове-ку на войне плохо.

Я рванулся бежать к воротам. А снаряды рвутся. Мы различали, когда летит один снаряд, а когда летят сразу два, звук совсем другой, мы называли его «гармошкой».

И вот слышу, «гармошка». Ложусь, один разрыв, другой.

Я вскакиваю и...

Значит, был третий. Взрыва я не услышал. Удара по подбородку не почувствовал. Ощущение было одно — на меня, на мою грудь навалилась огром-ная, невероятной тяжести стена. Я сделал два шага, выронил винтовку, попы-тался оттолкнуть эту стену руками, закричал (или только открыл рот) и... перестал существовать.

Вот так, просто и легко умирают люди на войне. Несколько секунд страха, и тебя нет. И заботы твои все закончились. Не надо бегать с осточертевшим минометом на спине, прислушиваться к шелканью пуль по кукурузным стеб-лям, постоянно опасаться, что каким-нибудь шальным снарядом оторвет руку или ногу, жалеть, что до сих пор в вещмешке еще лежат две банки рыбных консервов из неприкосновенного запаса (сухари я давно съел), думать, как решить проблему с начисто сгнившей правой портянкой.

Как пел Высоцкий много лет спустя: «А на кладбище все спокойненько, исключительная благодать».

Однако Смерть, собирая обильную жатву на этом заснеженном поле, посмотрела на мое пацанячье безусое лицо и нецелованные губы, только задела меня своим черным крылом и сказала: «Ладно, живи».

ТЕРНИСТЫМ ПУТЁМ. Записки урядника

Автор: Юрий Кравцов
06.07.2010 02:57 -

Правда, она не сказала, как мне предстоит прожить последующие годы, а то я мог бы и отказаться от ее милости.

Но со Смертью не спорят.

Продолжение следует